

О П Ы Т Ъ
БИБЛЮГРАФИЧЕСКАГО
ОБОЗРѢНІЯ.

О П Ы Т Ъ
БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО
ОБОЗРѢНІЯ.

OF THE

THE NATIONAL

GEOPHYSICAL

О П Ы Т Ъ
БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО
ОБОЗРѢНІЯ,

ИЛИ

ОЧЕРКЪ ПОСЛѢДНЯГО ПОЛУГОДІЯ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

съ Октября 1841 по Апрель 1842.

(Л. Браунта.)

Изданіе книгопродавца Ю. ЮНГМЕЙСТЕРА.

INSTITUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ ДѢЛЪ СООБЩЕНІЯ
И ПУБЛИЧНЫХЪ ЗДАВІЙ.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Съ нѣмъ, чшобы, по оппечатааніи, предспавлено было въ
Ценсурный Комишетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Песербургъ, Февраля 24 дня 1842 года.

Ценсоръ *И. Корсаковъ.*

24.260

Около двух лѣтъ я имѣлъ честь быть со-
трудникомъ «Русскаго Инвалида». Редакція этой
офиціальной газеты довѣрила мнѣ сужденіе о
современныхъ произведеніяхъ опечесивенной ли-
тературы. Силою лѣстная довѣренность, неза-
висимо отъ личнаго моего убѣжденія въ томъ,
какъ должна быть выполняема обязанность кри-
тика, прѣбывала отъ меня самой строгой прав-
дивости и безириспирасія, совершенно чуждаго
всякаго вліянія спороннихъ отношеній,—и я по-
сполно спарался быть вѣрнымъ этимъ пер-
вымъ условіямъ добросовѣстной критики: иначе,
быть вѣрнымъ испинь и благонамѣреннымъ цѣ-
лямъ правительственнаго изданія. И могъ оши-
баться, и, вѣроятно, не разъ ошибался въ мнѣ-
ніяхъ своихъ; они могли быть, и были, иногда,
не согласны съ мнѣніями другихъ: въ одномъ,
однако-жъ, смѣю быть увѣреннымъ—они всегда
были основаны на прямомъ убѣжденіи и стро-
го обдуманъ;—съ большею частію ихъ соглаша-
лось и большинство читающей публики. Оцѣ-
няя достоинство литературныхъ произведеній,
при самомъ отрицательномъ значеніи послед-
нихъ, я всегда уважалъ личность автора и не-
прѣменною заботою моею было смягчать, по-
возможности, непріятность невыгоднаго опи-
зыва. Лѣгкая, неоскорбительная шулка, иногда

иронія, — невольная жертва критика чинаше-
лямъ, не любящимъ сухаго академическаго тона
спашей, — вопль всё, что я позволялъ себѣ из-
рѣдка. Уважая такъ-же мнѣнія другихъ кри-
тиковъ, хотя-бы и противныя моимъ, но
высказанныя въ свидѣствіе непосредственнаго и
независимаго убѣжденія, я никогда не вдавался
въ споры и полемику. Около двухъ лѣтъ пмѣя
голосъ въ официальной газетѣ, я употреблялъ
его для той лишь цѣли, для которой онъ былъ
довѣренъ мнѣ: ни разу не употребилъ его въ
свою личную пользу, — не дѣйствовалъ противъ
нѣхъ, кино, при первыхъ литературныхъ моихъ
опытахъ, встрѣшилъ ихъ — не скажу съ самою
неумѣренною строгостію (это-бы еще ничего!),
но съ явнымъ недоброжелательствомъ и оже-
сточеніемъ. Напротивъ, помимо всякихъ лич-
ныхъ причинъ или увлеченій, я говорилъ имен-
но въ пользу прежнихъ своихъ порицателей, —
когда справедливость того требовала. Не хва-
люсь нѣмъ. Поступая такъ, я исполнялъ только
долгъ каждого честнаго человека, и еще болѣе,
каждаго благороднаго дѣйствовавшаго на благо-
родномъ поприщѣ литературы. Но, въ свидѣ-
ствіе всего этого, позволено-ли мнѣ на-
дѣяться, что, и въ отношеніи къ собственнымъ
моимъ мнѣніямъ, оказана будетъ, со стороны
другихъ, та-же умѣренность.

Всё это я долженъ былъ сказать къ поль-
зни появленія предлагаемой брошюры; те-
перь нѣсколько словъ о ней самой.

Независимо отъ критическихъ спашей мо-
ихъ, печатавшихся собственно въ Ивалидѣ, из-
давались при этой газетѣ, въ прошедшемъ
году, особыя, мною-же составляемые, библио-
графическія листки, подъ названіемъ *Критическаго*
перегля новостей русской литературы, заключа-
вшіе въ себѣ обзоръ ея за каждые три мѣсяца.
Годичный опытъ и опыты людей просвѣщен-

ныхъ убѣдили меня, что эти библиографическіе листки достигали иногда своей цѣли—сообщенія публикѣ, по-возможности, вѣрнаго свѣдѣнія о современномъ движеніи отечественной литературы,—въ-особенности-же, инороднымъ нашимъ читателямъ, которые поставлены въ большое затрудненіе разсѣрчивыми списываніями журналовъ о достоинствахъ вновь выходящихъ книгъ, и недоумѣваютъ какую изъ нихъ можно выписать на основаніи того или другаго журнальнаго списка. Но тотъ-же опытъ убѣдилъ меня, что номеръ газеты, живущій одинъ лишь день, а тѣмъ болѣе приложение къ ней, каковы были мои библиографическіе листки, при всей живопренещущей своей новости, слишкомъ скоропреходящи и не могутъ вполнѣ имѣть желаемыхъ послѣдствій. Мысль эта побудила меня издать нечто цѣлое, въ видѣ каталога (*catalogue raisonné*), въ которомъ, къ заглавіямъ и означенію цѣнъ новѣйшимъ русскимъ книгамъ, присоединялась-бы, болѣе или менѣе подробная, оцѣнка и внушеніяго ихъ достоинства, — оцѣнка, разумѣется, правдивая и безпристрастная: въ-какого-рода указатель — на что преимущественно должно быть обращено вниманіе читателей и что можетъ быть усвоено ихъ бібліотекамъ. Предсказывая журналамъ и газетамъ быстрое сужденіе о самыхъ, такъ-сказать, свѣжихъ новостяхъ литературы, мы, въ нашѣмъ Каталогѣ или Обзорѣнн, предлагаемъ читателю, хотя не столь живопренещущую, но, если можно такъ выразиться, болѣе спокойную и опредѣлительнѣйшую характеристику новыхъ книгъ русскихъ. А какъ подобный каталогъ можетъ быть не бесполезнымъ и книгопродавцамъ, то одинъ изъ нихъ, Ю. А. Юнгмейстеръ, извѣстный своею честностію и точностію въ исполненіи требованій публики, пожелалъ принять на себя издержки печатанія Обзорѣнн, и пріобрѣлъ отъ меня право веществен-

нымъ его владѣнiемъ; — право же литературной или авторской собственности ссрается за мною, въ отклоненiе возможности перепечатанiя этого Канонаго или Обзорнiя другимъ книгопродавцемъ.

Л. Брантъ.

Цена экземпляру брошюры 50 коп. серебромъ; на пересылку прилагается за фунтъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ.

Последніе три мѣсяца каждаго года и первые два слѣдующаго, въ нашей липературѣ, бывають обыкновенно самымъ обильнымъ книжнымъ временемъ. Къ эпоху времени готворяшя новые романы, сборники новыхъ повѣстей, альманахи, и вообще книги, которыми издатели или авторы дорожатъ особенно. Книгопродавцы называютъ это время прибыльнымъ, «идущимъ»; — для журналистовъ оно вожделѣнное время подписки, надеждъ и опасеній; для многихъ авторовъ, цѣлые годы прудившихся, — можеть-быть, совершенно безкорыстно, съ теплюю, мученическою любовью къ предмету, — время шаякаго испытанія, — неумолимыхъ приговоровъ — справедливыхъ или несправедливыхъ, это другой вопросъ, — приговоровъ, иногда уничтожающихъ во прахъ бѣдное дѣлшце ума, чувствъ и воображенія, — приговоровъ, охлаждающихъ благороднѣйшія стремленія . . . ни слова уже о надеждахъ, обманутыхъ, поруганныхъ. Короче, — октябрь, ноябрь, декабрь *), январь и февраль прелюбопытные липературные мѣсяцы! Посмотримъ-же чпѣ новаго и хорошаго принесли они въ кабинеты наши, куда, сказать мимоходомъ, не допустимъ ни одной книги, принадлежащей

*) Желающіе знать мнѣніе наше о книгахъ, вышедшихъ въ первые девять мѣсяцевъ 1841 года, могутъ обратиться къ прему, подобнымъ наспоющему, крипическимъ обзорнѣямъ, приложеннымъ, въ свое время, къ «Русскому Инвалиду», подъ NN^o 1, 2 и 3.

къ той производимельности литературной, которая назначается собственно для передней или задней. Въ нашемъ критическомъ обзорѣи найдуть мѣсто, по-преимуществу, хорошія книги, — будемъ упоминашь о посредственныхъ, даже о слабыхъ: не хотимъ знашь только, какъ вѣроятно и всѣ читатели просвѣщенные, о существованіи нѣхъ уродливыхъ и безграмотныхъ книжицъ, которыми такъ богата промышленная сторона нашей литературы, которая оскорбляють—не говорю уже—вкусъ, но и самое приличіе, которая, наконецъ, издаются Богъ-знаеть къмъ и Богъ-знаеть для кого, — вѣроятно для круга читателей, находящихся въ всякаго круга... составляющихъ темные уголки Божьяго міра.

Изъ семидесяти сочиненій, ниже разсмотрѣнныхъ, только тридцать бельетрическихъ, — гораздо менѣе половины; а если исключить изъ числа ихъ вторыя изданія, переводы и дѣтскія книги, то останется не болѣе пятнадцати. Остальныя сорокъ книгъ принадлежатъ, болѣею частію, къ такъ называемымъ «серьезнымъ» сочиненіямъ: ученымъ, учебнымъ, специальнымъ, историческимъ, и т. п. Значитъ — господствуетъ стремленіе къ положительному, *исключительно* и непосредственно полезному, — работаетъ собственно голова, — умъ. Прекрасно, но у человека есть еще сердце или чувства, есть и воображеніе. Уважая полезное, онъ «любитъ» *приятное*, — въ благороднѣйшемъ, эстетическомъ, значеніи слова, — любитъ высокое, идеальное: другими словами — изящное, художественное; душа его жаждетъ впечатлѣній сильныхъ, глубокихъ, которыхъ не сообщитъ вамъ ученое сочиненіе, практикъ о желѣзныхъ дорогахъ или пароходствѣ — твореніе, можетъ быть, величайшей важности, любопытное въ высшей

степени, но на положительныя испины котораго не опровергнется ни одна струна сердца вашего, которое не сдѣлаетъ васъ ни лучше, ни добрее, не возвыситъ нравственной природы вашей. Многіе могутъ должно понять выводъ нашъ, и подумаютъ, что мы хотимъ унизить *ученое, полезное, положительное*. Это было бы глупо. Напротивъ, мы преклоняемся и благоговѣемъ предъ сочиненіями дѣльными; мы сожалѣемъ только, что преобладающее стремленіе къ положительному убиваетъ другую, противоположную, поэтическую сторону ума человѣческаго. — «А!» — скажутъ иѣкоторые — «вы хотите *поэзіи* — романовъ, повѣстей, драмъ, стиховъ и *сказочной* прозы?» — Именно, съ позволенія вашего, милосивые государи, этого и хочу, и имѣю на то свои причины, убѣдительныя и, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, неоспоримыя. Дѣло въ томъ, что я имѣю счастье или несчастье понимать романъ совершенно иначе, нежели понимаютъ его иѣкоторые, люди впрочемъ очень умные и почтенные. Для нихъ-то я рѣшился сказать иѣсколько словъ о романѣ, потому-что многіе, понимающіе дѣло, конечно, не нуждаются въ объясненіи. Но эти гг. «иѣкоторые» считаютъ романъ, повѣсть — суцнымъ вздоромъ, и если рѣшаются, отъ бездѣлья (нерѣдко, непремѣннаго условія цѣлой жизни бѣдѣеи части «благосклонныхъ чинашелей»), прочитавъ то или другое, — называютъ это величайшимъ съ своей стороны снисхожденіемъ, жертвою, — вообще отзываясь съ глубочайшимъ презрѣніемъ о произведеніяхъ поэзіи, беллетристики. — И надобно видѣть выраженіе лица ихъ при этомъ отзывѣ, эту убійственно-презрительную гримасу! О, если-бъ я былъ полишипажнымъ художникомъ, я непремѣнно изобразилъ-бы эту «шиповую» гри-

*

масу (нигице-же такаа мода на «спины»), которую изобразить словами рѣшительно невозможно! Да, для эпихъ господъ романъ, повѣсти ничпо передъ виспомъ, претерансомъ, не говоря уже объ аристокрапическомъ пикешъ. Чпѡ до меня, — такъ какъ я въ карпы, къ-сожалѣнню, не играю, — чпѡ до меня, я, больше всего въ мнрѣ (за исключеннмъ однако-жъ хорошенъкихъ женщннъ), — люблю именно повѣсти и романы. Таково ужъ мое забужденнє, или, если позволнше, моя испнна. И опнюдь романа, повѣсти, не счнпаю мелочью, вздоромъ, въ-подражаннє пѣкопорымъ «знапокамъ», ни да-же только прнпшнымъ развлеченнмъ. Въ романъ и повѣсти я вижу испорню и фнлософню, да-же больше не-жели собесшвеннпо въ испорнн и фнлософнн. Да, и романъ есть своего рода исторн, психологн души и сердца; частныя данности романа, — суть частная исторн челоуѣчества, его внутренней, невидимой жнзни: потому-то въ настоящей или политической исторнн проявляется только внпшняя, общая, государ-ственная сторона жнзни народовъ *). Исторнкъ только повѣстшвуешъ, соображая крнпическн лѣтопнсы и преданн; романистъ так-же повѣстшвуешъ, но въ то-же время черпашъ мапернлы своего повѣстшвованн на днѣ сердца челоуѣческаго, вносптъ факелъ свой въ сокровеннѣншня глубнны его, часто съ кровью опднрая опъ ннхъ

*) Пншу эпн слова курсивомъ попому, чпѡ однажды я имѣлъ уже случай печашно пронзешъ ихъ: на бѣду «знапоковъ», со мною согласнлись многнє, опчего я еще сильнѣе укрьпнлся въ своемъ убѣжденн. Разумѣешся, чпѡ здѣсь рѣчь не о романахъ, унижающнхъ эпѡшъ высокой родъ словешности: здѣсь мы имѣемъ въ виду, напрнмѣръ, Гѣше, Скѡппа, Купера, Гюго, Днкннса, и другихъ, да, пожадуй, двухъ-трехъ изъ нашихъ романистовъ.

неподозрѣваемые любителями никеша шайники. И мало-ли что еще можно сказать о важности и поучительности романа! Но этого нельзя сказать въ несколькихъ строкахъ.—Сказанное-же здѣсь приводитъ къ тому, что, не причисляя серьёзныхъ и дѣльныхъ сочиненій къ области изящной литературы или «собственно-литературы», мы не будемъ останавливаться долго на сочиненіяхъ этого рода, а преимущественно посвятимъ обзорѣе наше произведеніямъ чисто-беллетристическимъ. Припомъ, о книгахъ, принадлежащихъ къ области наукъ или искусствъ, и нельзя говорить кратко съ удовлетворительностію. Имъ должны быть опредѣляемы отдѣльные пракматы. Мы-же пишемъ не болѣе какъ критическое обзорѣе.

Послѣ этого излишняго объясненія, приступаемъ непосредственно къ разсмотрѣнію литературныхъ новостей за послѣдніе пять мѣсяцевъ, ш. е. съ октябрю 1841 по мартъ 1842 г.

Сочиненія духовнаго содержанія.

1. ПРАВДА ВСЕЛЕНСКОЙ ЦЕРКВИ о Римской и прочихъ патриаршихъ кафедрахъ. 1841. Въ 8-ю долю листа, Ш и 426 стр. (Цѣна экземпляру 2. р. 50 к., съ пересылкою 3 р. сереб.)

Это важное сочиненіе принадлежитъ религіозному и высоко-поэтическому перу автора Путешествія ко Святымъ Мѣстамъ; слѣдовательно, нѣтъ надобности распространяться о достоинствѣ книги. Сожалѣемъ только, что объемъ нашего обзорѣя не позволяетъ намъ украсить его выписками изъ нея. Содержаніе ея, въ нѣсколькихъ словахъ, слѣдующее: о первенствѣ Апостола Петра; отношенія Римскихъ Епископовъ къ Церкви Вселенской; о Вселенскихъ Соборахъ;

о Греческихъ Патриархахъ и сношеніяхъ ихъ съ Римскими Первосвященниками, и вообще о предметахъ, соотвѣтствующихъ заглавію сочиненія. — Какъ оно любопытно и instructively — можно судить уже и по одному эпосу, легкому, намеку на содержаніе его.

2. УРОКИ ИЗЪ СВЯЩЕННОЙ ИСТОРИИ ВЕТХАГО ЗАВѢТА, чипанные воспитанникамъ Императорскаго Корпуса Горныхъ Инженеровъ, священникомъ Димитріемъ Абрюцкимъ. 1841. Въ 8, 168 стр. (75 к., съ перес. 1 р. сереб.)
3. СТРАСТНАЯ СЕДМИЦА. Изданіе четвертое, исправленное и умноженное. 1841. Въ 8, 245 стр. (1 р. 45 к., съ перес. 1 р. 70 к. сереб.)
4. РУКОВОДСТВО находящее въ священныхъ книгахъ Новаго Завета Чтеніе Апостола и Евангелія, положенное на каждый день Православною Церковію. 1841. Въ 8, 40 стр. (25 к., съ пер. 40 к. сереб.)

Заглавія этихъ сочиненій доспашочно изъясняютъ и содержаніе ихъ, свидѣтельствующее о религіозной потребности народа русскаго, безспорно одного изъ набожнѣйшихъ народовъ христіанскихъ. — Признательность достойнымъ насильямъ нашимъ, съ теплою сердца и мысли исполняющимъ свои священныя обязанности!

5. ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О ЖИЗНИ ПРЕПОДОБНОЙ ЕВФРОСИНИИ, Княгини Полоцкой. 1841. Въ 8, V и 28 стр. — Крестъ Прендобной Евфросиніи, сдѣланный въ 1161 году. *На одномъ большомъ листѣ.* (1 р. 45 к., съ пересылкою 2 р. сереб.)

Это есть самый Крестъ, на самая древняя святыня, которой недавно благочестивые жители обѣихъ столицъ нашихъ поклонялись съ такимъ благоговѣніемъ. Теперь, въ небольшой книжечкѣ, они найдутъ достовѣрное и чрезвычайно любопытное описаніе святой жизни Прендобной Евфросиніи, а немѣвшие возможности видѣть самаго Креста, жители просираи-

ной Россіи могутъ приобрести литографическое изображение его, сдѣланное въ натуральную величину, и припомъ съ самою тщательною вѣрностію.

6. ОЧЕРКИ ЖИЗНИ МОСКОВСКАГО АРХІЕПИСКОПА АВГУСТИНА. Съ приложеніями и портретомъ. 1841. Въ 8, 135 стр. (75 к., съ пересылкою 1 р. серебромъ.)

Архіепископъ Августинъ навсегда останется незабвеннымъ не только въ исторіи Церкви нашей, но и въ гражданской исторіи отечества своего, котораго достойнымъ пасыремъ и сыномъ умѣлъ онъ явить себя въ достопамятный 1812-й годъ. Особенно почтисаемый державными особами, онъ имѣлъ счастье получить въ 1818 г. отъ нынѣ царствующаго Императора, тогда Великаго Князя, Николая Павловича, слѣдующее достопримѣчательное письмо. Оно было писано по случаю рожденія нынѣ здравствующаго Цесаревича и Наслѣдника Престола Всероссійскаго, и отличаетъ высокимъ краснорѣчіемъ умилительнымъ чувствомъ супруга и отца: «Со страхомъ, свойственнымъ челоуѣку слабому, и съ надеждою, не покидающею челоуѣка вѣрующаго, видѣлъ я приближеніе рѣшительнѣйшей минуты въ моей жизни. Не зная, что опредѣлило мнѣ Провидѣніе, радость или горестъ, я подкрѣпилъ душу мою обѣщаніемъ и ожидалъ съ покорностію воли Божіей. Ему угодно было благословить меня счастьемъ отца: Онъ сохранилъ и мать и младенца! Изъявленіе благодарности не нужно Тому, Кто чиняетъ въ глубинѣ души: но оно необходимо душѣ благодарной. Обѣщаніе мое, которое съищу исполнить, состояло въ томъ, чтооъ во имя Александра Невскаго воздвигнуть придѣлъ въ церкви Новаго Іерусалима. Это—смирненное приношеніе счастливаго отца, повѣряющаго Отцу Всемоущему свое драгоцѣннѣйшее благо—участъ жены и сына. Васъ, пререосвященнѣйшій владыко, прошу быть мнѣ помощникомъ и руководцемъ во исполненіи сего объѣма; священнаго моему сердцу. Пускай предъ алтаремъ, воздвигнутымъ благодарностію отца, приносился молитвы и о матерн и о сынѣ: да продлится Всемоущій ихъ жизнь для собственаго ихъ счастья, на службу Государю, на честь и пользу отечества!»

Нынѣ, по прошествіи двадцати-четырехъ лѣтъ, какое глубокое значеніе, какой высокій интересъ заключаетъ въ себѣ это письмо, когда предметъ его — царственнѣйшій Младенецъ, не только возросъ, возмужалъ, но и Самъ, подобно державному Опцу, содѣлался счастливымъ супругомъ!

Вообще жизнь Преосвященнаго Августина примѣчательна тѣмъ, что находилась въ связи съ многими, достопамятными событіями опечиства, а потому описаніе ея чрезвычайно-любопытно. Въ числѣ приложений помѣщены подлинныя аффишки графа Распопчина, относящіяся къ происшествіямъ 1812 года, и также весьма любопытныя, какъ по папірошическому ихъ чувству, такъ и по оригинальному слогу графа Распопчина.

Вотъ еще нѣсколько сочиненій религіознаго содержания, заслуживающихъ полной хвалы и признательности шрудившимся надъ составленіемъ ихъ:

7. ПИСЬМА О ДОЛЖНОСТЯХЪ СВЯЩЕННАГО САНА. Двѣ части. 1841. Въ 8, 213 и 220 стр. (2 р., 50 к., съ перес. 2 р. 80 к. с.)

Приготовленіе къ священству, священнодѣйствія, исповѣдь, проповѣданіе Слова Божія, законоучительство, обращеніе пресвитера съ людьми, подвигъ благовѣспника—по собственнымъ выраженіямъ почтеннаго издателя книги, г. *Александра Стурдзы*, составляющъ содержаніе ея, въ формѣ краснорѣчивыхъ и очень замѣательныхъ писемъ.

8. СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ въ разговорахъ для маленкихъ дѣтей. Сочиненіе *А. Ишиловой*. 1841. Въ 16, VII и 55 стр. (50 к., съ пересылкою 75 к. сереб.)

9. О ЛИТУРГИИ. 1842. Въ 16, 61 стр.
10. ИЗЛОЖЕНІЕ СЪМВОЛА ВѢРЫ, ПРАВОСЛАВНОЙ ВОСТОЧНОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ. Изданіе прешіе. 1841. Въ 16, 156 стр. (50 к., съ перес. 75 к. сереб., за обѣ книжки.)

Последнія двѣ, изящно издавція, книжки принадлежатъ, если не ошибаемся, столь извѣстному перу автора Путешествія ко Св. Мѣстамъ.

11. О СВИДАНІИ ВЪ ВѢЧНОСТИ. 1841. Въ 8, 53 стр.
(50 к., съ пер. 50 к. сереб.)

Жить за гробомъ, единственное утѣшеніе многихъ спрдадальцевъ, не достигшихъ еще гроба. Существовать за предѣлами его—надежда и упованіе счастливецъ. Безсмертіе души человѣческой спрашиваетъ однихъ только злодѣевъ, иногда приводитъ ихъ къ раскаянію и достойнѣйшей жизни. Но никто еще не разрѣшилъ великой тайны: какъ мы будемъ жить въ вѣчности, — возобновятся-ли тамъ наши земныя формы, или останется единъ лишь духъ, облученный опть брешной плоти. Слѣдовательно, и свиданіе въ вѣчности съ милыми, родными и друзьями — сушь вопросъ, раждающій тысячу другихъ, равно неразрѣшимыхъ, вопросовъ.

Сочиненія ученныя, учебныя, медицинскія, спеціальныя и т. п.

12. МѢСЯЦОСЛОВЪ на 1842 годъ. Въ 8, 249 стр.
(60 к., съ перес. 85 к. сереб.)

Содержаніе мѣсяцослова извѣстно всемъ. Книга, или, лучше сказать, вещь — необходимая каждому, сподручная. Съ нѣкотораго времени календари наши имѣютъ особенный интересъ, украшаясь поршрешами Особъ Императорскаго Дома. Мѣсяцословъ на 1842 годъ украшенъ отлично - выгравированнымъ на стали поршрешомъ Великой Княжны Ольги Николаевны.

13. ПАМЯТНАЯ КНИЖКА на 1842 годъ. Въ 64-ю д.
л., 56 стр. (2 р., съ пересылк. 2 р. 25 к. сереб.)

Вопъ также книжка необходимая почти для каждаго. Не говоря уже объ изящномъ и роскошномъ ея изданіи и прекрасныхъ 19-ти гравюрахъ ея, но формату своему, она можетъ быть носима въ карманѣ,—

во всякое время и на всякомъ мѣстѣ служилъ справочною. Для человѣка служебнаго или дѣловаго, и въ-особенности для военныхъ, — это просто драгоценность; въ ней, кромѣ полного мѣсяцослова, съ пробыми для замѣлокъ, какъ и въ обыкновенномъ календарѣ, заключаешся расписание храмовыхъ праздниковъ, дни прихода и отхода лодки въ обѣихъ столицахъ, пакса для сбора за письма и посылки и, наконецъ, — важнѣйшая спашья Памятной Книжки, — современное состояніе чиновъ военнаго и другихъ ведомствъ, чего ни въ какомъ другомъ изданіи не найдёте и описаніе чего, безъ помощи Памятной Книжки, невозможно запруднило-бы васъ. Теперь же, вмѣстѣ съ полезнымъ-жишнейски и крайне-необходимымъ, вы имѣете въ рукахъ и альманахъ, не уступающій гравюрами своими лучшему кинсеку.

14. **НОВЫЙ КАРМАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ С. ПЕТЕРБУРГА** съ планами и видами. 1842. Второе исправленное изданіе, на русск. и французск. языкахъ. Въ 16, 55 стр. (1., съ пер. 1. р. 25 к. сереб.)

Двѣ крошечныя и очень красивыя книжечки, не безполезныя для взрослыхъ и замѣблющія дѣтямъ игрушку, полезную болѣе карповной лодки или куклы. Первая книжечка заключаеш въ себѣ наименованіе частей города, учебныхъ и другихъ заведеній, присутственныхъ мѣстъ, главнѣйшихъ зданій, мостовъ, заставъ, гостинницъ, постоялыхъ дворовъ, ресторацій, клубовъ, собраний, конторъ, фабрикъ, заводовъ, магазиновъ, — статистическую таблицу и, наконецъ, миниатюрный, но вѣрный и очень хорошо сдѣланный, планъ Петербурга. Въ другой книжечкѣ найдёте двадцать литографированныхъ видовъ примѣчательнѣйшихъ зданій и памятниковъ сѣверной столицы нашей.

15. **ЛУЧШЕЕ ПРИДАНОЕ.** Соч. О. Фонъ Дейча. Двѣ части. 1841. Въ 12, 199 и 195 стр. (2 р. 50 к., съ перес. 3 р. сереб.)

Утѣшились, бѣдныя дѣвушки! васъ ожидаетъ скорое замужество, хоть вы и не богаты: г. Фонъ Дейчъ даритъ вамъ не только приданое, но и «лучшее приданое»..... Но въ самомъ-ли дѣлѣ такъ: нѣтъ-ли шушь

обман, подлогъ, или, проще, какого-нибудь недоразумѣнія? Именно. Второе заглавіе книги съвѣдующее: «Необходимыя наставленія для беременныхъ, роженницъ (?) и родильницъ (?), съ присовокупленіемъ правилъ перваго физическаго воспитанія дѣтей, календаря беременности и двухъ рисунковъ» И такъ, эта книга — очевидно не для дѣвицъ: содержаніе ея не должно быть извѣстно невѣстамъ; иначе, онѣ не принесутъ мужьямъ своего дѣвственнаго невѣдья, той непорочности знанія, копорыя дѣйствительно составляютъ «лучшее приданое». А между-тѣмъ трудъ Г. Фонтъ Дейча, независимо отъ кеприличнаго и спекулативнаго заглавія, истинно-полезный трудъ, хорошо исполненный, не только въ медицинскомъ, но и въ литературномъ отношеніи. Почему-же почтенный авторъ не назвать книги своей просто: *Наставленіе молодымъ супругамъ*. Собыаемъ ему переимѣнить обѣртку и заглавный листъ.

16. О РАСПОЗНАВАНІИ И ЛЕЧЕНІИ ЗОЛОТУШНОЙ БОЛѢЗНИ. Сочиненіе медико-хирурга *К. Бредова*. 1842. Въ 8, 272 стр. (2 р., съ перес. 2 р. 25 к. сереб.)

Книга чрезвычайной важности и полезности, если принять въ соображеніе, сколь многіе въ настоящее время страдаютъ золотушными болѣзнями, пользованіе копорыхъ, не-смотря на современные успѣхи медицины, крайне еще затруднительно и рѣдко достигается цѣли. Опытный авторъ исполнилъ дѣло свое съ умѣньемъ и системою. Въ-особенности рекомендуемъ книгу его врачамъ и спраждающимъ золотухою.

17. СЕЛЬСКИЙ ДОМАШНІЙ ЛЕЧЕБНИКЪ, или врачебныя наставленія для государственныхъ крестьянъ, по Высочайшему повелѣнію составленныя при Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ и Медицинскимъ Совѣтомъ разсмотрѣнныя и одобренныя. Въ двухъ частяхъ 1841. Въ 8, 48 и 78 стр. (1 р., съ перес. 1 р. 25 к. сер.)

Чрезвычайно-полезная для крестьянъ книга, первая часть копорой содержишь въ себѣ правила о леченіи болѣзней людей, а вторая правила о сохраненіи и леченіи домашняго скота. Рекомендуемъ книгу по-

мѣщикамъ и управителямъ, какъ драгоценное пособие, замѣняющее врача, тамъ, гдѣ нѣтъ его по близости.

18. ПРАКТИЧЕСКАЯ МОРСКАЯ АРТИЛЛЕРІЯ. Соч. Корнуса Морск. Артиллеріи капитана Ильина. 1841. Въ 8, XXX и 577 стр. (5 р., съ пересылкою 3 р. 50 к. сер.)

Въ военно-ученой литературѣ нашей г. Ильинъ извѣстенъ уже переводами: 1) Руководства къ прицѣливанію артиллерійскихъ орудій на морѣ, сочин. испанскаго адмирала *Чурруки* и 2) Изслѣдованія артиллерійскаго искусства на морѣ, соч. капитана *Монжерри* *). Настоящее сочиненіе г. Ильина есть часть обширнаго и полезнаго труда, предпринятаго по порученію начальства. Желаемъ автору успѣшнаго окончанія, тѣмъ болѣе, что, и въ литературномъ отношеніи, оно отличаетсѣ чистымъ, яснымъ и правильнымъ изложеніемъ, и тщательною корректурою: немногія погрѣшности съ заботливостію указаны въ концѣ книги. Изданіе ея опрятно и красиво. Вообще надобно замѣтить, что въ последнее время рѣдко встрѣчающіяся книги дурно изданныя, хотя, съ другой стороны, многія изъ нихъ хорошею бумагою и печатью могутъ похвастать какъ лучшимъ своимъ достоинствомъ. Роскошь въ изданіяхъ послужила нынѣ предлогомъ къ многимъ спекуляціямъ, которыя съ большею пользою могли-бы быть обращены на предпріятія не минувшія.

19. УЧЕБНЫЯ РУКОВОДСТВА для военно-учебныхъ заведеній. Химія. Составлен. И. Щегловымъ. 1841. Въ 8, 479 стр. (5 р., съ перес. 3 р. 50 к. сереб.)

Лучшею похвалою этой книги можетъ служить общее заглавіе ея. Она составлена по порученію Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній, Великаго Князя Михаила Павловича, и посвящена авторомъ Его Императорскому Высочеству. Въ концѣ сочиненія приложены объяснительные чертежи и рисунки.

*) Оба эти сочиненія продаются въ книжномъ магазинѣ Ю. Юнгмейстера; цѣна перваго 3 р., съ пер. 6 руб. ассигн.; втораго 6 р., съ пер. 7 р. 50 коп. ассигнаціями.

20. РУКОВОДСТВО къ изученію греческаго языка. Соч. *И. А. Бюриуфа*. Переводъ съ двадцать-пятью издачія (изданіе книгопродавца В. Полякова). 1841. Въ 8, IX и 576 стр.) 1 р. 50 к., съ перес. 2 сер.)
21. РОССИЙСКО-АРМЯНСКІЙ СЛОВАРЬ. 1842 г.
22. РУССКО-НѢМЕЦКІЙ и нѢМЕЦКО-РУССКІЙ карманный словарь, *П. Ульянова*. Часть первая. Словарь русско-нѣмецкій. Издачіе книгопродавца Ю. Юнгмейстера. Въ 64-ю д. л. 358 стр. (за двѣ части 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 75 к. серб.)

Важныя пособія для изучающихъ языки. Конечно, двѣ первыя книги для немногихъ. Въ наше время такъ мало охотниковъ до иласпическаго языка Гомера, Платона и Демосеена, — еще менѣе желающихъ знать языкъ армянскій, споль частный и опшюдь не липерашурный: за то въ наше время кшò не учинся языку Гёте и Шиллера, и, въ этомъ смыслѣ, молодой книгопродавецъ нашъ, Ю. А. Юнгмейстеръ, въ-продолженіе одного года снискавилъ себѣ довѣріе и расположеніе публики, оказалъ ей большую услугу. Его карманный словарькъ сославленъ г. Ульяновымъ добросовѣстно и опчешливо, а издашь какъ-нелзя-лучше. Вторая часть еловарика, первые листы которой мы видѣли уже оппечатанными, выйдеть въ непродолжительномъ времени; она заключаешъ въ себѣ переводъ и толкованіе не только опдѣльныхъ словъ, но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и цѣлыхъ фразъ. Прибавше къ этому немовѣрно-дешёвую цѣну, назначенную издашемъ за двѣ части, и вы согласитесь съ нами, что полезное предпріятіе г. Юнгмейстера заслуживаетъ особенной благодарности: какъ русскій-нѣмецъ, онъ ничего лучшаго не могъ придумашъ для своего книгопродавческаго дебюта.

23. РОССИЙСКАЯ СТАТИСТИКА, Императорскаго С. Петербургскаго Университета Заслуженнаго Профессора, дѣйств. спаш. совѣтника и кавалера Г. Зябловскаго. Въ двухъ частяхъ. 1842. Въ 8,

170 и 188 стр. (1 р. 75 к., съ пересылкою 2 р. серебромъ.)

Второе изданіе известнаго сочиненія, введеннаго во многія казенныя и частныя учебныя заведенія.

24. РУКОВОДСТВО къ естественной исторіи профессора Г. П. Шуберта, съ нѣмецкаго переведенное и примененное къ Россіи. Со множествомъ оригинальныхъ полишинажныхъ картинокъ. Двѣ части. 1841. Въ 8, 509 и 580 стр. (4 р., съ перес. 4 р. 50 к. сереб.)

«Авторъ этой книги» — говоритъ въ предисловіи переводчикъ, г. Фонъ-Фореспье — «при (i)обрѣлъ себѣ «въ ученой Германіи рѣдкую *тѣмъ* знаменитость (,) «по двумъ почти несомнѣннымъ отношеніямъ: какъ «глубокомысленный ученый (,) во всей обширности «этого слова, и вмѣстѣ какъ популярный писатель, «умѣющій выражать свои мысли изящно, просто и вразумительно для каждаго. Многочисленныя сочиненія «его *такъ проникнуты какими-то особенными духомъ*, «что (,) прочитавъ одно изъ нихъ, можно бы (это бы «совершенно здѣсь лишнее) отгадать сочинителя *про-«гихъ*, если бы они и не носили на себѣ имени Шу-«берта.»

Изъ этой крапкой выписки читатель можетъ видѣть, что почтенный переводчикъ сочиненія Шуберта, не вполне усвоилъ себѣ «изящество, простоту и вразумительность выраженія мысли»; впрочемъ переводъ текста нѣсколько получше, даже не дурень, и какъ въ подобныхъ сочиненіяхъ слогу не первое дѣло, то мы и рекомендуемъ книгу любителямъ предмета, споль любопытнаго и поучительнаго.

25. КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО къ познанію изящныхъ искусствъ, основанныхъ на рисункѣ, составленное В. Лангеромъ. 1841. Въ 8, 294 стр. (2 р., съ перес. 2 р. 50 к.)

Одинъ журналъ строго осудилъ это руководство, не соглашаясь съ нимъ въ образѣ и способѣ воззрѣній. Не берѣмся рѣшить дѣло — для удовлетворительнаго обсужденія обѣихъ споронъ потребовался-бы длинный

и предлинный трактатъ, много мѣста и еще больше времени. Предоставляя дѣло знающимъ, ссылаемъ его «въ сильномъ подозрѣнн» и противъ авшора и противъ криптика. Каждый правъ по своему. Скажемъ только, что, при недоспашкѣ у насъ сочиненія по части изящныхъ искусствъ, и руководство г. Лангера далеко не лишнее.

26. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ФИЛОСОФІИ, приспособленная къ понятію каждого образованнаго человека, Карла Зедергольма, Доктора Философій и Евангелич. Дивизионнаго проповѣдника. Двѣ части. 1842. Въ 8, XIII, 282 и 197 стр. (2 р. 85 к., съ перес. 3 р. 55 к. сереб.)

Одно заглавіе этой книги показываетъ важность содержанія ея, о которомъ ничего нельзя сказать удивительнаго въ предѣлахъ крапкой библіографіи. Оплаваемъ отзывъ нашъ до слѣдующаго обзоренія, гдѣ мы намѣрены посвящать труду г. Зедергольма нѣсколько отдѣльныхъ страницъ. Между-тѣмъ рекомендуемъ его книгу, плодъ долготѣвняго, добросовѣстнаго труда, особенно-благоклонному приему просвѣщенныхъ читателей: если они не поддерживаютъ «существенно» примѣчательнаго предиріянія г. Зедергольма, то дальнѣйшее продолженіе изданія, которое авшоръ обещаетъ не ограничить исторією древней философіи, не состоится само собою. Книга написана прекраснымъ русскимъ языкомъ; одно перечисляваніе ея уже обличаетъ глубокое изученіе, систему, опытность и необыкновенное знаніе великаго предмета, какова истинная философія или умозрѣніе, совпадающее съ христіанскими истинами—съ этой именно точки зрѣнія авшоръ смотритъ на предметъ свой. Жалѣемъ, что на эту разъ не можемъ объяснить подробно: на поверхностный отзывъ въ такомъ дѣлѣ не должно рѣшаться.

27. СОЧИНЕНІЯ ПЛАТОНА, переведенныя съ Греческаго и объясненныя профессоромъ С. Петербургской Духовной Академіи Карповымъ. Часть I. 1841. Въ 8, XXXV и 411 стр. (2 руб., съ пересылк. 2 р. 50 к. серебромъ.)

Выписываемъ начало предисловія русскаго переводчика. «Имя Платона избавляетъ меня отъ труда говорить о цѣли и пользѣ предпринимаемаго перевода «Платоновыхъ сочиненій. Сполна на заглавномъ листѣ книги, оно само — и гораздо убѣдительнѣе — говоритъ за свою книгу. Великіе гении на поприщѣ науки суть свойственники не народа, а цѣлаго человѣчества; ихъ произведенія суть достойныя всѣхъ вѣковъ. Посему Русской Литературѣ было-бы стыдно предъ вѣками и человѣчествомъ не усвоить себѣ того, что справедливо почитается лучшимъ украшеніемъ каждой литературы.»— Дѣйствительно г. Карповъ оказываетъ переводомъ Платона великую услугу отечественной литературѣ — а какимъ переводомъ — читатель можетъ судить по немногимъ выписаннымъ здѣсь строкамъ, но уже обличающимъ твердость, силу и колоритъ выраженія. При выходѣ слѣдующихъ частей сочиненій Платона, мы будемъ еще имѣть случай обратиться къ замѣчательному труду г. Карпова, который переводомъ «Платона» пріобрѣтетъ себѣ прочное имя въ исторіи литературы русской.

28. ОПИСАНІЕ СТАРОПЕЧАТНЫХЪ КНИГЪ СЛАВЯНСКИХЪ, служащее дополненіемъ къ описаніемъ библіотекъ Графа *Θ. А. Толстова* и купца *И. И. Царскаго*. Издавъ Павелъ Споровъ. Съ двумя рисунками. 1841. Въ 8, VIII и 276 стр. (2 р. 30 к., съ перес. 2 р. 50 к. сереб.)

Г. Споровъ неутомимо продолжаетъ свои многотрудныя разысканія въ области древней литературы нашей, отдѣлившейся отъ современной и самымъ названіемъ (Русская—Славянская). Г. Споровъ справедливо замѣчаетъ, что это трудъ неблагодарный и невознаграждаемый. Точно,—надобно родиться съ этою рѣдкою любовью къ наукѣ скучной и пылгоспной, съ этою привязанностію къ «старопечатному». Но по недоброй волѣ врядъ-ли кто и согласится посвящать жизнь свою архивной пыли и мудрымъ вѣхшимъ листамъ. Тѣмъ болѣе однако-жъ должно цѣнить полезныя, хотя и *неблагодарныя* труды изыскателя древностей — ими-то и доказывающа вся безкорыстность любви къ наукѣ.

Сочиненія историческаго содержанія.

29. РУКОВОДСТВО КЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ. Сочиненіе Фридриха Лоренца, орд. профессора Главнаго Педагогическаго Института и Директора Главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра. Часть 1. 1841. Въ 8, VII и 687 стр. (2 р. 50 к., съ перес. 5 р.)

Давно-ли учебно-историческая литература наша ограничивалась сочиненіями г. Кайданова, въ которыхъ главное достоинство было болѣе риторическое или спиллическое, нежели собственно историческое, — и вошь мы уже имѣемъ передъ собою примѣчательныя труды гг. Успрялова, Смарагдова и начало превосходнаго труда г. Лоренца. Сочиненіе его составлено изъ лекцій, читанныхъ имъ въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ. Оно «написано въ Россіи и на пользу русскаго учащагося юношества», какъ говоритъ авторъ въ предисловіи; «оно должно принадлежать Россіи, если-бъ даже и не явилось на русскомъ языкѣ.» Наблюденіе за изданіемъ, въ отношеніи къ чистотѣ слога, имѣли гг. Гречъ и Крымовъ, учитель русскаго языка и исторіи. «Не смотря на то (продолжаетъ авторъ), читатель встрѣтитъ еще много недостатковъ; при переводѣ нельзя было избѣжать и при поправкѣ нельзя было совершенно уничтожить шероховатости въ слогѣ, нѣсколькихъ германизмовъ, неловкихъ оборотовъ и выраженій.» Впрочемъ за эти недоспахи въ формѣ, по собственнымъ и справедливымъ словамъ г. Лоренца, онъ вознаграждаетъ читателя полною и точностію содержанія. Трудъ его отличаетъ истинно-историческимъ направленіемъ. При выходѣ слѣдующихъ частей мы надѣемся нѣсколько подробнѣе поговорить о «руководствѣ» г. Лоренца, сколько позволимъ по объему обзорнія нашего, не допускающаго спашей слишкомъ обширныхъ. Впрочемъ, еще разъ повторяемъ, вниманіе наше преимущественно обращается на произведенія, относящіяся къ области романа, повѣсти, драмы, — изданціи прозы и поэзіи. Каждому позволено имѣть свои исключительныя привязанности.

50. **ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.** Сочиненіе Г. Мишо, Члена Академіи Французской. Переводъ Ивана *Бутовскаго* (посвященный Его Высочайшему Председательству Алексѣю Петровичу Ермолову). 1841. Изданіе второе, исправленное. Въ 8, 608, 708, 742, и 587 стран. (7 р. 15 к., на пересылку прилагается за 16 фунтовъ.)

Новое изданіе въ русскомъ переводѣ извѣстнаго и обширнаго шворенія знаменитаго историческаго писателя. Въмѣсто прежнихъ 40 руб., оно стоить нынѣ только 25 руб ассигнаціями. За пять огромныхъ томовъ, это цѣна — чрезвычайно-умѣренная. Неимѣющие у себя французскаго оригинала, безъ-сомнѣнія, поспѣшаютъ приобрести столь любопытную, такъ краснорѣчиво написанную и хорошо переведенную по-русски исторію крестовыхъ походовъ.

31. **ИСТОРИЯ РОССИИ ВЪ РАЗСКАЗАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.** 1841. Изданіе второе, исправленное и пополненное. Три части. Въ 8, 377, 366 и 426 стр. (5 р., съ перес. 5 р. 70 к. сереб.)

Второе изданіе этого сочиненія, украшеннаго именемъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны, доказываетъ, что рачительный прудъ г-жи Ишимовой оцѣненъ по достоинству. Мы думаемъ, что онъ можетъ быть полезенъ не только для дѣтей перваго возраста, но вообще для молодыхъ дѣвицъ или юношей, не приступавшихъ еще къ обширнѣйшему изученію исторіи. Объѣмъ и прекрасное изложеніе г-жи Ишимовой оправдываютъ слова наши.

32. **ЗАПИСКИ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.** Событія времени Петра Великаго. 1841. Въ 8, VIII, 94, 128, 116, VIII и 126 стр. (3 р., съ перес. 3 р. 50 к. сереб.)

Полезность прудовъ г. Сахарова признана уже и просвѣщенной публикой и безпристрастною крѣпкой и наконецъ самымъ Правительствомъ. Собираемая г. Сахаровымъ, съ такимъ усердіемъ и неутомимою любовью, старина русская, по возможной оцѣнкѣ прагматиче-

ской, обращается въ драгоценные матеріалы не только исторіи гражданской отечества нашего, но и литературной его исторіи. Въ изданной нынѣ г. Сахаровымъ книгѣ заключаются записки *графа Матвѣева, Крекшина*, известнаго *Желябужскаго* и *Медвѣдева*, а въ приложенияхъ къ ней, между-прочимъ, любопытный дневникъ *Гордона*. Вообще событія, сославляющія предметъ Записокъ, какъ явствуетъ и изъ самаго заглавія книги, относятся къ эпохѣ Петра Великаго, и въ-особенности—ко времени его юности, правленію царицы Софіи, Спирьляецкимъ бунтамъ и другимъ того времени происшествіямъ. Желаящихъ короче познакомиться съ этими любопытными Записками, отсылаемъ къ самой книгѣ г. Сахарова, а въ нѣкоторое пособіе при чтеніи ея, и къ дѣльной справкѣ, напечатанной о «Запискахъ Русскихъ людей» во второй книжкѣ 1842 года Описательныхъ Записокъ, гдѣ читатели найдутъ указаніе и исправленіе нѣкоторыхъ ошибокъ г. Сахарова,—ошибокъ, впрочемъ, неизбежныхъ при такомъ трудномъ и темномъ дѣлѣ, какъ разработка матеріаловъ исторіи нашей до самодержавія Петра. Надобно прибавить еще, что на предметъ эпохъ кризиса наши смотрятъ съ разныхъ сторонъ, и потому не легко согласимъ ихъ противорѣчія.

33. ПАМЯТНИКИ МОСКОВСКОЙ ДРЕВНОСТИ, съ при-
совокупленіемъ очерка «монументальной» (это
слово имѣетъ двоякое значеніе, и потому не
мѣшало-бы замѣнить его другимъ?) исторіи Мос-
квы, древнихъ видовъ и плановъ древней сто-
лицы. Соч. Императорскаго Московскаго Обще-
ства Исторіи и Древностей Россійскихъ дѣй-
ствительнаго члена *Ивана Снегирева*. Изданіе
Августа Семена. Выпускъ первый, тетради 1
и 2-я. Въ 4-ю д. л. 112 и 19 стр. (Цѣна за двѣ
тетради 28 руб. ассигнаціями, съ пересылк. 32
р. асс.)

Какая дѣлательность въ разработкѣ матеріаловъ и свидѣній, относящихся къ старинѣ русской! Съ одной стороны, образцовые труды Археологической Комиссіи, — съ другой, неутомимыя старанія частныхъ лицъ: гг. Спирова, Сахарова, Снегирева и другихъ; наконецъ, посвященное содѣйствіе и внушенія прави-

мельшивенныхъ лицъ. Въ настоящемъ предпріятіи, заслуживающемъ полной похвалы и признательности, первый виновникъ г. министръ внутреннихъ дѣлъ, предложившій составить описаніе древнихъ памятниковъ во всей московской губерніи. Счастливая мысль г. министра встрѣсила живѣйшее сочувствіе въ именитомъ градоначальникѣ Москвы, князь Д. В. Голицынѣ, который немедленно озабочился приведеніемъ ея въ исполненіе, касательно самой столицы, обратился въ семь случаевъ къ посредничеству Общества Исторіи и Древностей и пожертвовавъ значительную сумму на осуществленіе предпріятія, — и вотъ передъ нами уже прекрасное начало его: мастерскіе рисунки примѣчательнѣйшихъ древностей Москвы, объясняемые обстоятельнымъ и ученымъ описаніемъ.

54. ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ОДЕЖДЫ И ВООРУЖЕНІЯ Россійскихъ войскъ, съ рисунками, составленное по Высочайшему повелѣнію. Часть первая. 1841—1842. Въ листъ 200 и LXV стр. (на китайск. бум. 28 р., на простой бум. 21 р. сереб.; на перес. за 21 фунтъ.)

Въ это время, какъ у насъ существуютъ уже: полное собраніе Свода Законовъ; Военная Академія, гдѣ образуются въ высшихъ наукахъ молодые Офицеры; Александровскій Кадетскій Корпусъ, гдѣ дѣти перваго, пѣжнаго, возраста получаютъ начатки воспитанія; губернскіе корпуса; институты: Педагогическій, Технологическій и другіе; новые университеты и множество, также вновь учрежденныхъ, училищъ — плоды опеческихъ попеченій и неутомимой заботливости о благе народа нынѣ царствующаго Монарха Россіи, — когда по всемъ опрашиваемъ внутренняго распорядка и просвѣщенія безпрестанно появляются новыя благотѣльные учрежденія, — когда съ каждымъ днемъ сѣверная столица наша украшается новыми примѣчательными зданіями, мостами, памятниками, и величественный Соборъ Исакіевскій — чудо труда, искусства, религіозно-художественной красоты — приближается уже къ своему окончанію — когда, наконецъ, состоялся Высочайшій указъ о возведеніи желѣзной дороги между С. Пешербургомъ и Москвою, предназначенной, по точному выраженію указа, какъ-бы слыть во-едино объ столицу

наши, — когда, словомъ, совершаются подвиги, должныяствующіе насмоящее блистательное и мудрое царствованіе поставили на ряду съ царствованіемъ Великаго Петра, съ именами незабвеннѣйшихъ Монарховъ всехъ временъ и народовъ, — въ то самое время прекрасно начато у насъ и еще одно изъ монументальныхъ предпріятій, подобнымъ которому, кажется, не можетъ похвалиться ни одно изъ просвѣщенныхъ государствъ Запада. Въ прежнемъ императорскомъ обзорѣи нашемъ, мы имѣли уже случай сказать нѣсколько словъ о первыхъ петрадахъ, издавшаго по Высочайшему Государя Императора повелѣнію, Историческаго описанія Одежды и Вооруженія Россійскихъ Войскъ. — Нынѣ вышла цѣлая первая часть этой достопримѣчательной книги, заключающая въ себѣ 145 страницъ текста, напечатаннаго въ листъ съ возможною типографскою роскошью, и 156 рисунковъ, поясняющихъ текстъ. Эти превосходные, изящно-исполненные, рисунки изображаютъ все подробности мужскихъ княжескихъ и простолюдинныхъ одеждъ XI вѣка: шапки, охабни, однорядки, тафьи, турскія шубы, горлатныя шапки, терлики, шапку мурмолку, становые кафтаны, платно, опашки, — кошельки, которыхъ наименованіе такъ часто встрѣчали мы въ романахъ и повѣстяхъ русскихъ, не зная удовлетворительно ни ихъ назначенія, ни ихъ вида: пенерь, благодаря этимъ точнымъ рисункамъ, каждый будетъ имѣть понятіе о принадлежностяхъ древней одежды русской. Но главное назначеніе книги — представить всевозможныя вооруженія, пѣшія и конныя, равно какъ и всевозможныя оружія, въ разныя времена въ Россіи употреблявшіяся: и все это найдете подробно и необыкновенно-ощепливо изображеннымъ — на рисункахъ и въ текстѣ, который доведенъ въ первой части (съ 862) до 1700 года. Сколько разысканій предстояло, сколько препятствій должно было преодолѣть, какимъ терпѣніемъ зачиспись, при составленіи этого текста, свидѣтельствующаго о трудѣ обширномъ и глубокомъ. Но могло-ли и быть иначе въ дѣлѣ, совершаемомъ по велѣнію и мысли Монарха!... Въ заключеніе скажемъ, что нѣкоторые рисунки представляютъ по-возможности вѣрные портреты слѣдующихъ древнихъ влстителей Руси: Юанна Грознаго, Василія Юанновича, Феодора Юанновича, Годунова, Михаила

Феодоровича, Алексѣя Михайловича, Юанна Алексѣевича и Феодора Алексѣевича.

55. ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ ЕВРОПЫ въ царствованіе Александра I. Второе изданіе, исправленное. Двѣ части, 1841. Въ 8, III, IV, 246 и 311 страниц. (4 р., съ перес. 4 р. 50 к. сереб.)

«Когда знаменитый романистъ, баронетъ сэръ Вальшеръ-Скоттъ, написалъ свою, не менѣе его романовъ, извѣстную исторію Наполеона, — всѣ единогласно рѣшили, что авторъ Веверлея гораздо выше какъ романистъ, нежели какъ историкъ. Г. Зошовъ также романистъ и историкъ, но, трудно рѣшить, гдѣ онъ выше — въ своихъ романахъ или въ своей исторіи?» — Такъ, можетъ-быть, началъ-бы съизрядно свою иной рецензію, по обыкновенію оспривить и язвительно подшучивать надъ каждымъ произведеніемъ почтеннаго г. Зошова и всячески унижать его литературную личность. Мы, признаемся, осприву и язвительность считаемъ вещь совершенно-излишнею при критической оцѣнкѣ книгъ. Знаемъ также, что, и у другихъ рецензентовъ, эти похвальные качества, болѣею частію не суть слѣдствіе злонамѣренности или, по-крайней-мѣрѣ, недоброжелательства, — а такъ, просто, невнимное желаніе позабавить читателя, или блеснуть собственнымъ остроуміемъ. Что до насъ касается, мы не беремъ на себя труда упоминать даже о сочиненіяхъ совершенно-отрицательнаго достоинства, о которыхъ нельзя сказать ничего добраго, которыхъ ни для кого не пужны, — а надъ книгою, гдѣ замѣтна хотя искра дарованія и трудъ сколько-нибудь уважительный, въ какомъ-бы то ни было отношеніи, издѣваясь, считаемъ не только неприличнымъ, но и невозможнымъ. Всякой трудъ, тѣмъ болѣе авторскій, мы уважаемъ по мѣрѣ заслуги его, — а указывая на недоспадки и несовершенства сочиненія, имѣемъ въ виду одну лишь истину и непосредственный долгъ критики. Мы не «силимся» открывать слабыхъ сторонъ и погрѣшностей автора: замѣчаемъ ихъ тогда только, когда послѣднія, сами собою, невольно, бросаются въ глаза, т. е., когда ихъ существованіе очевидно и неоспоримо. Напроставъ, постоянно стараемся отыскивать и показывать выгодную сторону авторскаго

труда. Припомъ, гг. рецензенты забываютъ одно, весьма важное, обстоятельство: никакъ не можешь про-извещать *болѣе* того, на сколько его надѣлила природа; следовательно, требованія критики не всегда должны простираются слишкомъ далеко, и чѣмъ дарованіе меньшаго объѣма, тѣмъ судъ ея долженъ быть снисхо-дительнѣе и ласковѣе. Цельно было-бы желать, что-бы литература состояла исключительно изъ однихъ только гениальныхъ, или, по-крайней-мѣрѣ, перво-классныхъ твореній: послѣднихъ очень немного, и, безъ существованія произведеній второсепенныхъ и даже третье-степенныхъ талантовъ, всё-таки при-мѣчательныхъ, — читать было-бы нечего. Только въ общей массѣ разнородныхъ дарованій, всякаго объѣма и качества, блистательно сіяютъ звѣзды первой вели-чины, и блескъ ихъ, безъ того, не былъ-бы ощущимень и поразимень. Процессъ и законъ постепенности такъ мудро проявляется во всемъ твореніи: почему-же не хотимъ допустить его снисходительно въ области уменшаго или авторскаго творчества? — При та-комъ возрѣніи на предметъ, неудивительно будетъ, если скажемъ, что мы не совсемъ раздѣляемъ мнѣнія нѣкоторыхъ рецензентовъ относительно литературы-наго значенія г. Зошова. По поводу выхода въ свѣтъ одного изъ романовъ его, мы имѣли уже случай объ-ясниться на-апошъ-счѣтъ довольно подробно (смотри No 155 «Русскаго Ивалида» за 1840 годъ). — Не желая повторять однажды уже напечатаннаго, скажемъ здѣсь только, что, неоспоримому въ нѣкоторой степени, да-рованію автора, много вредитъ поспѣшность въ трудѣ, крайняя небрежность въ ошдѣлкѣ слога и корректурѣ, — словомъ, большое неуваженіе къ самому себѣ. Въ рома-нахъ своихъ авторъ гораздо больше заботился о при-данія имъ сказочнаго интереса, нежели о психологи-ческой истинѣ и достойныхъ очертавіяхъ великихъ историческихъ лицъ, до которыхъ онъ такой охот-никъ, — громоздя пророчества на происшествія, за-пущиваетъ безъ нужды и приругу повѣсти и всегда поч-ти неудачно развязываетъ её. Словомъ, ни одинъ изъ романовъ его, изъ которыхъ, очевидно, лучший — «Леонидъ», дожившій почести втораго изданія, — не вы-держиваетъ самой снисходительной критики. А между-тѣмъ въ нихъ проглядываетъ дарованіе автора, нѣко-торая изобрѣтательность въ вымыслѣ, имѣющая по-

слѣдствіемъ своимъ большую или меньшую занимательность содержанія. Думаемъ, что, при личномъ уваженіи къ собственному труду, при рачительнѣйшей обработкѣ своихъ произведеній, авторъ могъ-бы приобрѣсти лучшую литературную репутацію. — Къ оправданію словъ нашихъ, желаемъ, чтобы г. Зошовъ, въ новомъ сочиненіи своемъ, если оно послѣдуетъ, обработалъ его — не торопясь и имѣя въ виду болѣе художественное достоинство, нежели угожденіе грубымъ прѣобозаніемъ толпы, у которой авторъ въ чести и милости, что, конечно, не можетъ служить ему лестною похвалою. — Обращаемся, наконецъ, къ сочиненію г. Зошова, заглавіе котораго выписано въ началѣ этой рецензіи. На «Двадцатипятилѣтіе Европы», описанное г. Зошовымъ, не должно смотрѣть какъ на исторію — это не болѣе какъ часть матеріаловъ для повѣствованія о достопамятной эпохѣ царствованія Александра, что и самъ авторъ скромно и умно объясняетъ въ предисловіи. Вообще книга написана хорошо, если не въ историческомъ, то въ литературномъ отношеніи; слогъ ея не только чище и лучше обыкновеннаго слога того-же автора, въ его романахъ, но и самъ по себѣ, неоспорительно, очень не дуренъ. Уже и въ томъ заслуга г. Зошова, что онъ, первый и покаместъ одинъ, описалъ довольно подробно и отчетливо забытое царствованіе Благословеннаго, а второе изданіе книги не доказываетъ ли, что она благосклонно принята публикой, по крайней-мѣрѣ по ея предмету и содержанію, слишкомъ близкому для сердца каждаго Русскаго. Будемъ надѣяться, что, современемъ, историкъ болѣе даровитый, при помощи матеріаловъ обширнѣйшихъ и лучше очищенныхъ, нежели тѣ, какіе имѣлъ въ виду г. Зошовъ, представитъ намъ полную и художественную картину достопамятнаго двадцатипятилѣтняго царствованія Императора Александра, увѣковѣченнаго великими подвигами его и колоссальнымъ произведеніемъ искусства, воздвигнутымъ предъ Домомъ Царей Русскихъ державнымъ Брашомъ Александра. — Уже и нынѣ военная исторія царствованія его превосходно разработана образцовыми трудами генерала Михайловскаго-Данилевскаго. Описанія войнъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, Финляндской войны въ 1808 и 1809 годахъ, наконецъ, готовимое тѣмъ-же авторомъ къ печати, описаніе Турецкой

войны съ 1806 по 1812 годъ, предсавяяшь будущему историкю драгоценныя данныя для описанія военныхъ событій царствованія Императора Александра — въ общей картинѣ съ мирными дѣянiями незабвеннаго Монарха.

36. ЗАПИСКИ 1814 и 1815 годовъ. А. Михайловскаго-Данилевскаго. Изданiе четвертое. 1841. Въ 8, 245 стр. (1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. сер.)

Эта книга послужила намъ въ большое затрудненiе: долго не рѣшались мы къ какому отдѣленiю должно причислить ее: къ историческому или бѣльлетристическому. Она равно принадлежишь тому и другому; по мировой важности описываемыхъ въ ней событiй — принадлежишь первому, по прекрасному литературному изложенiю — ко второму. Въ другихъ сочиненiяхъ своихъ, собственно военно-историческихъ (подробно-разсмотрѣнныхъ нами въ «Русскомъ Ивалидѣ за 1841 годъ»), А. И. М.-Данилевскiй является чиншашлю важнымъ повѣствователемъ описываемыхъ военныхъ происшествiй, судiею событiй, совершившихся на полѣ брани. Въ этихъ сочиненiяхъ авторъ скрывался за повѣствуемыми имъ происшествiями, рѣдко выходилъ на сцену съ личными мнѣнiями, предсавляя говорить за себя самимъ событiямъ — наилучшiй, искуснѣйшiй способъ повѣствованiя. Но въ предлагаемыхъ Запискахъ авторъ, напротивъ, рассказываетъ преимущественно отъ своего лица, часто о себѣ самомъ, — словомъ, являетсѣ намъ какъ частный человекъ, съ своими непосредственными, личными, впечатлѣнiями. А какъ должны бышь любопытны впечатлѣнiя и замѣтки человека умнаго, глубоко чувствующаго, — какъ должны бышь любопытны тѣ и другiя, если прибавимъ, что предметомъ ихъ были не обыкновенныя происшествiя частной жизни, но событiя историческiя, по лица знаменитыя — цари, полководцы, дипломаты, предсавители своей эпохи — и какой эпохи! — когда только-что утихла грозная военная буря, свирѣпствовавшая ночи на всемъ пространствѣ Европы въ-продолженiе 20 лѣтъ, — только-что утихла и снова поднялось-было съ береговъ острова Эльбы, — исполнивъ мiръ пренеприятнымъ ожиданiемъ послѣдшiй новаго взрыва своего, коллорому суждено было

не восплавашь болѣе—съ поля ванерлооскаго Но послушаемъ автора.

«Послѣ выступленія нашихъ войскъ изъ Парижа (въ 1814 году) и опъзда општуда Императора Алек-
«сандра Павловича въ Лондонъ» — авторъ «власиень
«быль располагашь своимъ временемъ. Какъ пенерь по-
«смию мою радости — говоришь опъ — когда, остав-
«шись въ Парижѣ одинъ и безъ занятій по службѣ, я
«сѣлъ въ Тюльерійскомъ саду подъ тѣнь вѣтвистаго
«дерева, наслаждаясь увѣренностію, что никто не на-
«крушитъ моего спокойствія. То было неизъяснимое,
«особеннаго рода наслажденіе послѣ исполнискон, вы-
«держанной нами войны, въ продолженіе которой не
«было ни минуты свободной. Опиказавшись опъ путе-
«шесствія въ Англию, я думалъ опиравиться полуден-
«ною Франціею, посѣтитъ грознаго узника на оспро-
«въ Эльбѣ и поклонитъя гробу Виргилія. Но опасаясь
«противныхъ вѣтровъ и остановки въ карантиннахъ, —
«я избралъ другой путь, менѣ тѣшившій воображеніе,
«но болѣе удовлетворявшій потребности сердца.» —
Авторъ опиравился въ незабвенный для него, какъ
мѣсто воспианія, Гештингенъ, а потомъ моремъ изъ
Любека въ Кроншадтъ. Не можемъ не выписать здѣсь
нѣсколькихъ строкъ опосѣщеніи авторомъ Гештингена.
«Пріѣхавъ въ Гештингенъ поздно вечеромъ, я почши
«побѣжалъ по городу, гдѣ я провелъ при счастливей-
«шіе года въ возрастѣ, составляющемъ цвѣтъ бытія
«нашего. Каждый домъ, каждое дерево, все говорило
«миѣ языкомъ знакомымъ, привычнымъ. Случалось миѣ
«встрѣчатъ почную звезду на берегахъ Лемана, въ
«развалинахъ Помпей и на Капитолійскомъ холмѣ;
«велико было наслажденіе посреди классической Испа-
«нии и Женевского озера, но оно уступало удоволь-
«ствію, ощущенному мною ночью, когда увидѣлъ я
«себя опяшь посреди уединеннаго Гештингена.» —
Возвратившись, наконецъ, въ отечество, авторъ не
долго оставался въ немъ. 31 Августа 1814, получилъ
опъ приказаніе опиравиться въ Вѣпу, гдѣ назначался
конгрессъ для общаго примиренія Европы и куда,
въ слѣдъ за тѣмъ, опиравился Императоръ Алек-
сандръ. По объѣму спашья, мы не можемъ входить
здѣсь въ любопытныя подробности конгресса и пре-
быванія въ Вѣпѣ почши всѣхъ владѣтельныхъ особъ

Европы, живо описанныя авторомъ. Посреди безпрестанныхъ празднествъ въ честь освобожденія ея, и занятой по обязанностямъ, авторъ находилъ время для своихъ наблюдений и посещенія примѣчательныхъ мѣстъ. Вотъ любопытная и краснорѣчивая страница (26) о посещеніи имъ Шенбрунскаго дворца. «Шенбрунскій дворецъ являлъ картину непостоянства и превратности счастья. Въ немъ жила Наполеонъ, послѣ двукратнаго покоренія Вѣны, въ немъ подписанъ миръ въ 1809 году, вынудившій Австрію уступить ему пространныя области, населенныя болѣе нежели тремя милліонами жителей, и въ этомъ самомъ дворцѣ помѣстили, во время конгресса, сына Наполеонова. Я просилъ позволенія видѣть ребенка, съ колыбели игралице судьбы, вспоминая то недавнее время, когда его рожденіе, воспѣтое и празднованное во всѣхъ частяхъ свѣта, казалось залогомъ прочности новой политической системы. Меня повели съ компанію, небогато убранную; посреди ея стояли три женщины въ черныхъ платьяхъ. Одна изъ нихъ, госпожа Моншескью, держала за руку малюшку, имѣвшую тогда чешыре года отъ рода. Густыя бѣлыя волосы, падавшіе локонами на плеча, остинали прекрасныя голубыя глаза его и миловидное лице; близка лица увеличивалась отъ черной гусарской куртки. На Принцъ была звѣзда почетнаго легіона и три ордена, учрежденные Наполеономъ. Онъ любилъ посещенія военныхъ и внимательно осматривалъ мой мундиръ и шпагу. — Часто, — сказала мнѣ госпожа Моншескью, — твердишь онъ о Фонштенебло и Рамбулье, и каждый день спрашиваетъ о своемъ папенькѣ.» — Сколько высокихъ и прогашельныхъ помысловъ возбуждаетъ эта страница, эти немногія строки! — Изъ другихъ примѣчательныхъ особъ, мимоходомъ описываемыхъ авторомъ, были: Эрцгерцогъ Карлъ, извѣстный Принцъ де Линь, тогда восьмидесятилѣтній, но все еще живой и остроумный, спаренъ, — Латаръ, незабвенный воспитатель Императора Александра, Жераръ, Рамель, Лафайетъ, Сегюръ, Лабедойеръ, Дюсисъ и другіе. Сколько воспоминаній представляютъ автору встрѣчи и разговоры съ нѣкоторыми изъ нихъ, возобновляющіе въ памяти его годы молодости и достопамятныя происшествія, которыхъ онъ былъ участникомъ или очевидцемъ! — Вдругъ, посреди кон-

греса, приходившаго уже къ окончанію, разнёся слухъ о побѣгѣ Наполеона съ острова Эльбы: умы взволновались, и вскорѣ Европа слова принялась за оружіе; — въ ожиданіи и на встрѣчу кровавыхъ событій, громадныя арміи двинулись снова къ предѣламъ Франціи, но дѣло рѣшилось скорѣе, чѣмъ предполагали — и пустынная скала Св. Елены была роковымъ для Наполеона прочеемъ ватерлооской битвы. . . . «Почти «одичь, безъ всякаго конвоя, не сморгая на угрожавшія «опасности, Императоръ Александръ отправился въ Па- «срижъ. Не добжая городка Вуа (Void), появились фран- «цузскіе партизаны изъ лѣса, подавали съ возвышеній «сигналы другъ другу, и ранили одного изъ нашихъ «гусаровъ Государь похвально съ Австрійскимъ Импе- «раторомъ на шу гору, откуда раздался выстрѣлъ». Замѣчательны, сказанныя при этомъ случаи и приво- «димыя авторомъ, остроумныя слова, юнаго тогда, Ве- «ликаго Князя Михаила Павловича: «Въ первый «разъ въ свѣтѣ разбойники нападаютъ на двухъ Импера- «торовъ!» — выраженіе, достойное бытъ сохраненнымъ исторіей.

Чрезвычайно-любопытны описываемыя авторомъ подробности пребыванія въ Парижѣ Императора Алек- «сандра, тогдашняго состоянія Франціи, духа жур- «наловъ, народа и военныхъ людей, не могшихъ забыть «давнихъ своихъ поржеспивъ и последовавшаго за ними «уничженія. Вскорѣ послѣ блистательнаго смотра «русскимъ войскамъ при Вершю, для полнаго блеска ко- «тораго недоставало только знаменитой и красивѣйшей «въ Европѣ гвардіи нашей, — Императоръ Александръ «отправился изъ Парижа. Находясь въ Брюсселѣ, авторъ «пожелалъ видѣть поле ватерлооской битвы и осма- «тривалъ его съ шемъ самымъ проводникомъ, который «во время сраженія находился при Наполеонѣ. «Въ по- «слухерствіи отъ Лаге-Сеншъ — говоритъ авторъ — до- «казываютъ мѣсто, гдѣ долго споялъ Наполеонъ. Мой «проводникъ рассказывалъ съ жаромъ, какъ Наполеонъ «ободрялъ войска, паспунавшія на Англійскія батареи, «и съ какимъ воспоргомъ колонны отвѣчали на знако- «мый голосъ своего вождя, даже не измѣнившася въ «лицѣ, когда онъ удосповѣрился, что съ правой спо- «роны, откуда онъ ожидалъ Маршала Груши, показа- «лись Пруссаки. Пусть живописецъ выразишь чувствиво-

«ванія, обуревавшія въ шу минупу Наполеона, убѣжденнаго, что, съ прибытіемъ на поле сраженія Блюхеровой арміи, померкала звезда его счастья, и вѣроятно на вѣки! — Я заключилъ прогулку мою у селенія Прекраснаго Союза (la Belle Alliance). На шракаспирѣ написано: Фельдмаршалы Веллингтонъ и Блюхеръ, вспрѣвшись здѣсь, поздравили другъ друга съ побѣдою. — Тутъ — присовокупилъ проводникъ мой, — побѣдство Французовъ бы о общее; смятенія ихъ описать невозможно, но Наполеонъ, котораго я не оставлялъ ни на шагъ, сохранялъ совершенное хладнокровіе, и, поворотя лошадь, медленно и молча слѣдовалъ за бѣгущими. — На поле сраженія находились множество карпечей, пуль, штыковъ, ланъ, пуговиць съ Французскими орлами и тому подобнаго. Жители окрестныхъ селеній продають сіи оспашки разгромленной арміи любопытнымъ путешественникамъ, «во множествѣ сюда спекающимъ. Плаща общую «всѣмъ странникамъ данъ, я купилъ пѣсколко подобныхъ вещей, и соединивъ съ такими-же, взятыми «во время опечешвенной войны и въ другихъ походахъ моихъ, поставилъ ихъ въ деревенскомъ моемъ «домѣ на берегахъ Шьяны: тамъ будупъ опѣ напомятнать мнѣ о дняхъ бурь и преволненій, о пламени, «спожиравшемъ на великое пространство Россію, и о «шоржествѣ ея.»

Чрезъ Брюссель, Швейцарію и Богемію, Императоръ Александръ прибылъ въ Берлинъ: здѣсь совершилось незабвенное для Русскихъ событіе — обрученіе, бывшаго тогда Великимъ Княземъ, Императора Николая Павловича съ Дочерію Короля, — союзъ благословенный. Небомъ въ порфирородныхъ Дѣяньхъ и Внуклахъ.

Чрезъ Калишь и Варшаву, Императоръ Александръ возвратился наконецъ въ опечештво, почти три года разлученное съ своимъ Монархомъ. Если въ продолженіе этого достопамятнаго и грознаго времени, Россія перенесла много тяжкихъ испытаній и опасній, то въ какомъ шоржествѣ и величій встрѣтила она Государя своего 18 Ноября 1815! Усошій поэтъ русскій справедливо сказалъ о виновникѣ крашквременнаго бѣдствія нашего и пятнадцатилѣтнихъ смуть Европы:

Хвала! Онъ Русскому Народу
Высокій жребій указать,
И міру вѣчную свободу —
Изъ мрака ссылки завѣцалъ.

37. ИСТОРИЯ НАПОЛЕОНА, украшенная 500 рисунковъ *Горація Вернета*. Изданіе В. Семеновко-Крамаревского и А. Красовскаго. 1842. Въ 8, 637 и 58 стр. (10 р., съ пересылк. 11 руб. серебромъ.)

Въ N№ 61 и 62 «Русскаго Инвалида» за 1841 годъ, мы напечатали объ эпосѣ примѣчательномъ изданіи, когда оно выходило еще листами, отдѣльную спашью, кошпору и намѣрены опчасши повшорить здѣсь, не считая необходимымъ пересказывать одного и того-же мнѣнія разными словами. Теперь это изданіе лежитъ передъ нами въ цѣлой, и полстой, книгѣ, переплешенной въ красивую обвѣршку. Вообще, опшно-сншательно внѣшности, издатели исполнили дѣло свое блншательнѣ. — Лучшая веленевая бумага, превосходные полишпнажи съ рисунковъ знаменниаго Горація Вернета (не всѣ однако-жъ чисто опшечатанные), чѣпкій и красивый шрифтъ, наконецъ, сообразно издержкамъ, довольно умѣренная цѣна книги, — всѣ это почтн не уступаютъ парижскому изданію. Слогъ также довольно легокъ и пріятенъ, хотя иногда и встрѣчаются галлицизмы, неправильности, опшбки противъ языка и погрѣшности корректурныя. Но это мелочи. Главное въ разсмаприваемомъ изданіи испинно-художественные рисунки Вернета, масперски характеризующіе описываемое, и многое, безъ словъ, и гораздо лучше нежели словами, объясняющіе въ разсказѣ автора. Странно, однако-жъ: въ нѣкошорыхъ полишпнажахъ герой исторіи предспавленъ высокаго роста, а всѣмъ извѣстно, что великій человекъ былъ очень не великъ въ физическомъ смыслѣ. Если длинною фигуро думали выразить худощавоснѣ Наполеона въ молодости его, то эпю, конечно, способъ — не совсемъ удачно придуманный. Руководспвуясь такою теоріей, прійдѣтся, на-оборощъ, рослыхъ полспяковъ изображать въ предѣлахъ квадрата. Допустивъ это, кажется, справедливое замѣчаніе, должно признаться, что, во всѣмъ прочемъ, рисунки — верхъ искусства. Не смотря на мннншюрность лицъ, блглость и неоконченность

очерковъ, полиптичажи необыкновенно-вѣрно опредѣляютъ идею и характеръ представляемыхъ сценъ. Часто, одна легкая, но мастерски проведенная, черта,— одна почка на мѣстѣ глаза, такъ изображаютъ физиономію лица, что едва-ли удачнѣе можно-бы было вы полнить въ портретѣ оконченномъ и натуральной величины. Въ большей части фигуръ, особенно самого Наполеона, много сходства и, особенно, характеристики извѣстной минуты или случая. Опдавъ должное художественной части, скажемъ нѣсколько словъ и о пекснѣ, объ историческомъ значеніи повѣствованія. Оно, по міровому объему и важности описываемыхъ событій, очень кратко, бѣгло и вообще неудовлетворительно: это далеко не исторія, — болѣе, такъ-сказать, повѣствованіе анекдотическое, но мѣстами очень недурно изображающее эпоху, событія и дѣйствующія въ нихъ лица. Не поручимся за точность и вѣрность въ описаніи битвъ и вообще военныхъ происшествій. Основываясь на личномъ опзывѣ А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, на авторитетѣ котораго въ этомъ дѣлѣ можемъ смѣло положиться, скажемъ даже, что въ отношеніи собственно къ военнымъ подробностямъ, исторія эта не чужда многихъ и значительныхъ ошибокъ. Въ остальномъ источники и показанія автора болѣе вѣрны. Не слишкомъ увлекаясь своимъ героемъ — героемъ во всѣхъ смыслахъ слова — онъ судитъ объ немъ безпристрастно, не рѣдко и осуждаетъ, строго, но умно и съ основательностію. Не смотря на то, что жизнь Наполеона вполне и подробно извѣстна изъ множества разныхъ сочиненій, положимъ, и прочитанныхъ вами — вы не пропустили ни одной страницы въ разсматриваемой книгѣ: такова сила генія, такова удивительная жизнь необыкновеннаго чловѣка. Подобнаго ему не было, нѣтъ и, вѣроятно, уже не будетъ. Разсудокъ, сердце, событія — часто неоправимо-осуждаютъ его — но изумляясь ему не перестаешь, — ощущаешь въ себѣ какое-то невольное, непобѣдимое, увлеченіе сыномъ судьбы, — останавливаешься въ разговорѣ, предоснавляя судъ тому шипсивенному міру, въ которомъ болѣе двадцати лѣтъ уже вишаетъ духъ кроваваго героя. Шестъ пляжкихъ годовъ душнаго заточенія на скаль Св. Елены, печальные дни изгнанника, безъ вѣнца, безъ власти, безъ воли, — безъ всего, словомъ, что составляло жизнь его, — безъ чего она

угасла, можетъ-быть, ранѣе срока, назначеннаго ей природою, — не примиряюшъ-ли съ нимъ великодушное пошомство, если современники и могли сътовать прошивъ него?... Чудная судьба!..... Невольно приходишь на мысль, что, въ случаѣ неудачи 18 Брюмера, («генералу Бонапарте»), можетъ-быть, предстоила бы казнь, какъ заговорщику, какъ многимъ сынамъ французской революціи. Но ему посчастливилось — онъ возсоздалъ монархію, десятилъ лѣтъ носилъ на главѣ своей могущественную корону, и долго вращалъ въ рукѣ своей судьбы политическаго міра. И потомъ налъ.... Подобно солнцу, свершившему дневной путь свой, опустился надъ океаномъ, и угасъ тамъ въ багряныхъ лучахъ славы и безсмертія своего. Самая любопытная, самая поучительная, и вмѣстѣ съ тѣмъ пропагандельная, эпоха дивнаго жребія его, начинается со дня его паденія, совпадающаго съ днями изгнанія и наконецъ съ мрачно-величественною катастрофою печальной смерти героя. Изъ эпохи эпохи, въ книгѣ нами разбираемой, читаемъ нѣсколько краснорѣчивыхъ страницъ, болѣею частію повторяющихъ собственныя слова героя ея. Въ концѣ книги приложена брошюра, подробно описывающая перенесеніе во Францію смертныхъ останковъ Наполеона. Теперь, по желанію его, прахъ великаго мужа почиетъ на берегахъ Сены... но уединенная, пустынная могила на островѣ Св. Елены, омываемомъ вѣчными волнами океана, болѣе приличесивовала, въ поэтическомъ значеніи, превратной судьбѣ необыкновеннаго человѣка.

58. ИСТОРИЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Сочиненіе г. Ламбина. Изданіе Эльснера, украшенное 500 оригинальныхъ рисунковъ. Первые четыре выпуска. Въ 8, 182 стран. или 8 печатныхъ листовъ. (Все изданіе должно составишь не менѣе, а можетъ-быть и болѣе *двадцати* выпусковъ; при подпискѣ вносится 60 коп. серебромъ впередъ, и потомъ столько же за каждую тетрадь; за доставку на домъ платится 1 р. сер.; иногородные-же за пересылку всего изданія платятъ 1 р. 50 к. сереб., получая не иначе какъ по пяти тетрадѣй вдругъ и внося за нихъ впередъ 3 р. сер.)

Мы не безъ намѣренія поставили рядомъ два эти иллюстрированныя изданія: Исторію Наполеона и Ис-

сторію нашего Петра. Не говоря уже, что герои ихъ два величайшіе вѣнчаные мужа, величайшіе изъ всѣхъ когда-либо носившихъ на главѣ своей могущественную корону, когда-либо управлявшихъ судьбами народовъ,— последнее изданіе, вѣроятно, не существовало-бы безъ перваго. Успѣхъ перваго поредилъ второе, при тѣхъ-же условіяхъ вѣтшиости, при томъ даже числѣ рисунковъ,—и г. Эльснеръ ничего не могъ придумать удачнѣе для иллюстрированнаго изданія, какъ исторію безсмертнаго преобразователя Россіи. Было бы еще *удачнѣе*, если-бъ исполненіе такъ-же *удачно* согласовалось съ намѣреніемъ... За нѣсколько мѣсяцевъ до выхода перваго выпуска этой исторіи, явилось объявленіе объ изданіи ея. Нѣкоторая претендабельность и хвастливість этого объявленія дала поводъ журналамъ предубѣдивъ прошивъ него публику. Въ-особенности, совершенная неизвѣстность имени г. Ламбина, высту-пающаго вдругъ на поприщѣ литературы и исторіи съ колоссальнымъ именемъ Петра, — вооружили прошивъ новаго автора громкіе голоса кришниковъ, имѣющихъ-таки похвальную привычку заблаговременно возсѣвать прошивъ тѣхъ литературныхъ предпрія-тій, которыя осмѣливаются рождаться безъ вѣдома и вѣѣ того или другаго журнальнаго прихода. Съ вы-ходомъ перваго выпуска Исторіи Петра почти всѣ кришники единогласно опозвались о ней съ самой не-выгодной стороны и объявили, что трудъ г. Ламбина не что иное, какъ компиляція и риторика. Последнее обвиненіе, въ нѣкоторой степени, — справедливость пребуешь сказать — имѣетъ основаніе: авторъ иногда гоится за напыщенностію выраженій и пустозвон-нымъ высокимъ слогомъ, который такъ мало при-личествуетъ спокойному повѣствованію историче-скому. Посоветуемъ автору, въ продолженіи труда его, обратившись къ болѣе простому изложенію и не мѣняя истинное изящество на мишуру громкихъ фразъ, мало заключающихъ въ себѣ смысла. Рисунки, дѣйствительно не самыя изящныя, и далеко уступа-ющіе мастерскимъ рисункамъ Горація Вернепа, упи-жены гг. кришниками до крайности; въ самомъ-же дѣлѣ, если не всѣ полишицажи Исторіи Петра, то нѣко-торыя изъ нихъ не дурны, есть нѣсколько и очень удачныхъ. Никлю, разсуждалъ объ этихъ рисункахъ, не поспудился взять въ соображеніе, что Горацію Вер-

пешу (помимо его художническаго достоинства) гораздо легче было составить рисунки къ исторіи Наполеона, нежели русскому художнику подобныя-же рисунки къ исторіи Петра. Вернеть имѣль въ виду свѣжую, недавнюю, близко ему извѣстную эпоху: русскій-же художникъ (не столь припомъ даровитый) долженъ былъ бороться съ важными трудностями и препятствіями, представляемыми спользною давностію событій и неразработанностію эпохи Петровой. Словомъ, крипки наши, очень неснисходительно поступили съ предиріяніемъ г. Эльснера, забывъ, что, кромѣ матеріаловъ Голикова да перевода книги г. Бергмана, мы не имѣемъ ничего по части исторіи Петра, и въ этомъ отношеніи трудъ г. Ламбина есть первое оригинальное сочиненіе русское. Мы опинодъ не намѣрены быль панегиристами его и, также находимъ опинодъ г. Ламбина далеко неудовлетворительнымъ, — надѣемся, что исторія Петра, сочиняемая г. Полевымъ, будетъ трудомъ несравненно-превосходнѣйшимъ: но, за всемъ тѣмъ, не видимъ въ предиріяніи г. Эльснера значенія чисто-оприцательнаго.... Что-жь такое, наконецъ, сочиненіе г. Ламбина? — спросите вы насъ. Отвѣчаемъ. Сколько можно судить по началу книги, — она есть довольно складное, даже пріятное повѣствованіе о событіяхъ времени Петра Великаго. Трудъ г. Ламбина очень и очень не чуждъ ошибокъ, погрѣшностей и вообще недоспапковъ, которыхъ впрочемъ и не такъ легко избѣжать — *описывая жизнь Петра*; — съ другой-же стороны, онъ не чуждъ и достоинствъ порядочно соображеннаго изложенія и кой-гдѣ нѣкоторой крипической разработки. Что будетъ далѣе — не знаемъ, а судя по началу, думаемъ, что если трудъ г. Ламбина — трудъ, по-крайней-мѣрѣ усердный и добросовѣстный — и не исторгаетъ полной похвалы, то заслуживаетъ, однако-жь, снисходительнаго одобренія.

39. КАПИТОЛІЙ, или собраніе жизнеописаній великихъ мужей съ ихъ портретами. 1841. Въ 8, 330 стр. (5 р., съ пересылк. 5 р. 70 к. сер.)

Книга, заключающая въ себѣ двадцать биографій знаменитыхъ людей, — именно: Лавоньена, Гете, Густава-Адольфа, Рацаэля, Леонардо да-Винчи, Тиціана, Шиллера, Шекспира, Микель-Анджелло Буанаротти, Мольера,

Генриха IV, Рубенса, Сюлли, Кановы, Ньютона, Корнелия, Карла XII, Фраклина, Фридриха II и Суворова.— Именуем ихъ въ порядкѣ помѣщенія біографій въ книгѣ, украшенной двадцатью портретами великихъ мужей, оплочно выгравированными; вообще книга издана роскошно и въ красивомъ переплетѣ. Чтò касается собственно біографій, то онѣ, болѣею частію, очень крашки и пошòму неудовлетворительны, хотя впрочемъ составлены умно, дѣльно и написаны хорошимъ слогомъ. Главнѣйшій, — лучше сказать, единственный ихъ недостатокъ, какъ мы замѣтили уже, крашкость, въ настоящемъ случаѣ опшюдь не соспавляющая достоинства. Для тѣхъ, кто мало имѣетъ свѣдѣній о жизни поименованныхъ великихъ мужей, біографіи, составлющія «Капитолій», слишкомъ бѣдны содержаніемъ и мало ознакомятъ читателя съ ихъ героями; для тѣхъ-же, кто прежде уже доспашочно былъ знакомъ съ ними, біографіи эти, заключаая въ себѣ, болѣею частію, сухой и слишкомъ бѣглый очеркъ, не представляющъ ничего новаго и интереснаго. Въ-особенности показались намъ неудовлетворительными спашьи о Шиллерѣ, Генрихѣ IV и Сюлли. Авторъ біографій, при составленіи ихъ, вообще всего менѣе имѣлъ въ виду «частную» жизнь своихъ героев, которая, независимо отъ ихъ извѣстнаго, общеспавеннаго, поприща и значенія, всегда чрезвычайно-любопытна; — признаѣмся, удовлетворить этому спреобавію не легко, пошòму-что частная жизнь великихъ мужей, особенно давно-жившихъ, болѣею частію неизвѣстна: всё-таки, однако-жъ, можно было-бы сказать въ этомъ отношеніи болѣе, нежели сколько сказано въ разспавриваемыхъ біографіяхъ. Изъ нихъ удовлетворительнѣйшія біографіи: Шекспира, Фридриха II и Суворова. Последняя написана Н. А. Полевымъ. Намъ могутъ — и очень справедливо — замѣнить, что біографія Суворова есть не чтò иное, какъ крашкій историческій очеркъ тѣхъ военныхъ событій, на поприщѣ которыхъ съ такою славою дѣйствовалъ великій полководецъ русскій, и что, въ-заключение этой біографіи, читатель находитъ только нѣсколько страницъ, характеризующихъ героя, и такъ-же не представляющихъ ничего новаго. На такое обвиненіе, съ спюю-же справедливоспью, мы равно можемъ возразить, что, въ тѣсныхъ предѣлахъ спашьи, плодовишюму и

*

даровитому перу Н. А. негдѣ было разгуляться: онъ сдѣлалъ, въ настоящеемъ случаѣ, всё, что могъ — ни болѣе, ни менѣе. Лучшая спящья Капитоля — Карлъ XII. Авторъ представилъ довольно полную картину примѣчательной жизни этого моларха-воина, — вдался, какъ-бы слѣдовало и въ другихъ біографіяхъ, въ нѣкоторыя чрезвычайно-любопытныя подробности, доказывающія храбрость и необыкновенную личную неуспрашимость Карла XII. Таковы, наиримѣръ, страницы, заключающія въ себѣ описаніе испишно-геройской, хотя и безразсудной, борьбы Карла съ Турками. Съ горешью солдашъ и приближенныхъ особъ, лично и опчально защищался онъ противу многочисленной толпы Турокъ, осадившихъ его въ Варницахъ. — «Три недѣли сряду тщетно блокируя домикъ, въ кошоромъ, послѣ бѣгства изъ Россіи, Карлъ жилъ въ-продолженіе чепырехъ лѣтъ (получая отъ Султана для себя и на содержаніе свиньи своей по 500 палеровъ въ день), они рѣшились наконецъ взять эпощъ домикъ шпурмомъ.» Но и шупъ Турки, не смотря на соразмѣрное превосходство силъ, ничего не могли сдѣлать. Карлъ заперся въ домикѣ, защищалъ въ немъ компаншу за компаншою, шагъ за шагомъ, самъ приносилъ солдашамъ въ шляпѣ своей порохъ и пули, собственною рукою убилъ нѣсколькихъ Турокъ, — былъ раненъ. Запушавшись въ шпорахъ своихъ, Карлъ спопкнулся, упалъ — и тогда только Турки могли наконецъ овладѣть его особою: а по, Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилась эта опчальная личная бивша неуспрашимаго короля? — Сожалѣемъ, что объемъ обзорнія нашего не позволяеть выписать эпихъ необыкновенно-любопытныхъ страницъ, во всей ихъ подробности. Жизнь и событія жизни Карла XII вообще привлекають участіе. Жаль, что на геройское имя его на-вѣки пало, хотя и единственное, но мрачное пятно — казнъ Пашкуля. — Нѣкоторые замѣчаютъ, что это вопросъ, еще не рѣшенный юридически: но лучшая юрисприденція — сердце человѣческое, а оно никогда не перестанеть обвинять Карла за мученическую, ужасную смерть Пашкуля. Хотя-бы послѣдній и былъ виновенъ противу Карла, какъ подданный, противу вѣрности ему, какъ законному своему государю, — все-таки Карлъ могъ-бы великодушнѣе поступить съ несчастнымъ Пашкулемъ, не нарушая при томъ самой

справедливости монаршаго долга: Предисловіе къ «Кашиполію», написанное г. Булгарскимъ, гласитъ, что опъ благосклоннаго принятія публикою книги зависитъ продолженія ея: просимъ объ этомъ почтеннаго издателя) Кашиполія, г. Делакура, который, вмѣстѣ съ тѣмъ (за исключеніемъ спашья о Суворовѣ) есть и авторъ или переводчикъ біографій великихъ мужей. Подобныя изданія неоспоримо полезны, служба новымъ «Плушархомъ» для юношества...

Наконецъ-то, послѣ долгаго спрашиванія въ области книгъ ученыхъ, учебныхъ, медицинскихъ и немногихъ историческихъ, также болъшею частію принадлежащихъ собственно наукъ,—послѣ спрашиванія, мало пишавшаго наше воображеніе, еще менѣе наше сердце, живую, пренецущую сторону души человѣческой, — наконецъ достигли мы обшованнаго, теплаго пріюща повѣстей, романовъ, драмъ,—поэзіи въ прозѣ и стихахъ. Здѣсь должны заговорить съ нами наши завѣщныя думы, пробудиться страсти, восланились фантазія. Гг. авторы не будутъ уже разглазговать съ нами языкомъ меншоровъ и профессоровъ: попрошивъ, они обратятся въ милыхъ, любезныхъ собесѣдниковъ, нашихъ друзей, разделяющихъ интересы, общіе каждому порядочному челоуѣку, шоесть, просто «челоуѣку». Мы будемъ, вмѣстѣ съ ними радоваться и горевать, плакать и смѣяться, спрашивать и блаженствовать, благословлять жизнь и сознавать ея терніи, ея недоброе. Словомъ, мы будемъ жить... будемъ мыслить, и, что еще важнѣе, чувствовать за-одно съ романистами, поэтами О, чинаштели, васъ ожидающъ большія наслажденія, по поводу тѣхъ книгъ, которые сейчасъ мы спашемъ въ вами

перелистывать, разсматривать, судить!... Но, полно, такъ-ли?—скажете вы.—Дѣйствительно-ли насъ ожидаетъ наслажденіе, готовяся намъ пріятныя часы въ бесѣдѣ съ гг. романистами и стихопворцами.— А почему-же и нѣтъ?... Неужели въ этой грудѣ книгъ, копорыя едва помѣщаются на моемъ огромномъ письменномъ столѣ,—а часпію и подѣ столемъ—не найдется хотя десяпка книгъ, достойныхъ вашего благосклоннаго вниманія и участія, вашего любопытства и наконецъ одобренія. Поищемъ-же такихъ книгъ и, можете-быть, найдемъ! Но... съ чего начать? Это меня затрудняетъ вошь уже съ добрую четверть часа. Между тѣмъ не забудемъ выставить «моднаго» заглавія послѣдняго, занимательнѣйшаго, отдѣленія нашего литературнаго опчеша:

Б е л о л е т р и с т и к а.

Романы, повѣсти, драматическія произведенія, стихотворенія, альманахи.....

Альманахи? Чего-же лучше! Съ нихъ-то и начнемъ,—именно съ этого прелестнаго альманаха, который называется:

40. УТРЕННЯЯ ЗАРЯ, альманахъ на 1842 годъ, изданный В. Владиславлевымъ. Четвертый годъ. Въ 12, 372 стр. (4 р. сереб. съ пересылк.)

Прежде заглавнаго листа, книга открывается прекрасно выгравированнымъ портретомъ юной супруги Государя Наслѣдника, Ея Императорскаго Высочества Цесаревны и Великой Княгини Маріи Александровны, портретомъ, сподѣ любопытнымъ для

каждаго Русскаго и для каждой Русской, — портретомъ, соснавляющимъ лучшее и драгоценное украшеніе альманаха г. Владиславлева. Далѣе слѣдуетъ вѣнчикъ, изображающая упренную зарю надъ памянникомъ Пожарскаго и Минина. За тѣмъ, въ самой книгѣ найдете вы портреты: графини Е. М. Завадовской, графини С. А. Бенкендорфъ, княжны М. И. Бараннинской, баронессы К. П. Мендгенъ и А. П. Фрейгангъ, сколько-же замѣчательные по мастерской ошдѣлкѣ, сколько и по тѣмъ преимуществамъ, какія находимъ художникъ — пользуясь прекрасными подлинниками. Вообще о достоинствѣ гравюръ доспашочно сказать, что онѣ дѣланы въ Лондонѣ лучшими мастерами. Теперь перейдемъ къ липеранурной части альманаха г. Владиславлева. Весьмъ извѣстно, что въ альманахахъ, украшаемыхъ художественными приложеніями, главное дѣло — именно эти приложенія. Лучше сказать, спашьи — приложенія къ гравюрамъ. По-этому, не будемъ спрости къ тексту, въ которомъ впрочемъ есть много очень млага и занимательнаго. Исчислимъ прозаическія спашьи по порядку, въ какомъ онѣ помещены въ книгѣ. «Картезіанскій монастырь», *М. С. Жуковой*, заключаетъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ подробностей объ основаніи его и замѣтокъ путешественницы; въ числѣ послѣднихъ встрѣчаются мысли нѣжныя и поэтическія. Вотъ одна изъ нихъ: «... Воображеніе ищешь «спашка подъ дѣрномъ давно закрышой могилы. Не «средко юноша возвращался лучшимъ съ могилы ма-«спери: тамъ воздухъ дышетъ свяпостию послѣдняго «запша» — «Талисманъ», рассказъ уланскаго офицера, — *В. А. Владиславлева*. Живой, одушевленный рассказъ воина о томъ, какъ палъ подъ нимъ вѣрный боевой конь. Г. Владиславлевъ неподражаемъ въ легкихъ анекдотическихкихъ разказахъ, исполненныхъ простодушнаго, наивнаго юмора и какого-то безпечнаго, безирепидательнаго остроумія. Эшими именно качествами отличаетъ другая спашья его въ «Упренней Зарѣ» — *Рассказъ о томъ, какъ опасно было управителю курляндскаго барона Фонз-Паукенгофа, Фридриху, топивши въ овинѣ пегъ, заниматься охотою, и что изъ того произошло.* «Джорджіо Федороли или сердце въ банкѣ, вшорая повелла докшора Сильвіо Теста» — *И. В. Жуковника*. Эта повелла названа авторомъ «неправдо-подобною быльію»; мы прибавимъ, что она не только не-

правдоподобна, но даже и непонятна. Ужь развъ предположишь, что Фенороли былъ сумасшедшій, отъ любви къ *сердцу въ банкъ*, которое некогда принадлежало прелестной дѣвушкѣ, имъ любимой. — Не смотря на странность и чудесность содержанія, рассказъ читается, пошому-что авторъ неоспоримо человекъ съ умомъ, талантомъ и чувствомъ. — Другая повѣсть его въ «Утренней Зарѣ» — *Капустинъ*, изъ времени Петра Великаго, гораздо правдоподобнѣе. — Не знаемъ, сколько въ ней историческаго, но она очень походитъ на быль и рассказана мастерски, если исключимъ некошорую небрежность въ слогѣ, чѣмъ отличаясь почти всѣ прозаическія сочиненія г. Кукольника. Мы не согласны съ теми, которые возстаютъ противъ этой повѣсти его, но и не оспариваемъ ихъ — вкусъ и мнѣніе неопредѣляемая собственность каждого. «Водевиль въ часпной жизни» — Е. П. *Гребенки*, такъ себѣ, не хуже водевилей, которые даются на Александринскомъ театрѣ, — даже, если хочише, лучше, но мы думаемъ, что г. Гребенка, авторъ многихъ забавныхъ и занимательныхъ рассказовъ, могъ-бы написать еще *лучше*: онъ просто полѣнился на этошъ разъ. «Черногорцы», Н. И. *Надеждина*, любопытный опытокъ изъ воспоминаній автора, какъ путешественника, знакомящій нѣсколько съ правами этого замѣчательнаго племени славянскаго. Но мы имѣемъ уже объ немъ цѣлую книгу, болѣе удовлетворительную, о которой рѣчь будетъ ниже. Наконецъ, «Приключеніе на желѣзной дорогѣ» — графа В. А. *Соллогуба*, лучшая, по нашему мнѣнію, статья альманаха. Какой живой, свободный, ловкій, увлекательный рассказъ, согрѣтый припомъ и живою мыслию и глубокимъ чувствомъ, искусно запряпанными подъ оболочку щегольскаго, небрежнаго слога! Авторъ, кажется, рассказывалъ шутилъ, беззаботно, а между-тѣмъ въ сердцѣ остаётся какая-то тихая грусть и участие къ судьбѣ незнакомки, разъѣзжавшей по желѣзной дорогѣ..... Стихотворенія альманаха, подъ кошорыми подписаны имена: Лермоншова, Кольцова, Бека, Степанова, Шевцова, Бенедиктова, Подлинскаго, Гребенки, князя Вяземскаго, всѣ вообще не дурны, нѣкоторыя очень милы; лучшія принадлежатъ Лермоншову, Кольцову и князю Вяземскому. Намъ понравилось, своею игривостію, слѣдующее стихотвореніе г. Коренева:

Ты-ль эпо, Машенька? Тебѣ-ли вижу я?
Ты-ль эпо милое, воздушное шворенье,
Которымъ плакъ полна была душа моя?
О Боги! чпо за превращенье!

Гдѣ-жь эпа свѣшная эмазь твоихъ очей?
Гдѣ спройный, гибкій спань Психей?
Гдѣ музыкальная плѣнительность рѣчей?
Гдѣ всѣ поэзи зашѣи?

Гдѣ эпа милая былая проспома —
Чпо такъ плѣняла насъ заманчивой уловкой?
Гдѣ живоспъ рѣзвля, любезность, острома?
Гдѣ Маша прежняя съ кудрявою головкой?...

Ахъ, Марья Павловна! какой волшебникъ злой,
Провелъ вамъ на челѣ угрюмыя морщины?
Какъ скоро спали вы помѣщицей проспой,
Уздной барыней изъ миленькой удины!

Ахъ, Марья Павловна, не вѣришь все мнѣ!...
Представишь не могу... да, полно, эпо вы-ли?
Бывало вы цвѣшны любили на окнѣ —
А нынѣ памъ спояшь — съ наливками бупыли!...

41. АЛЬМАНАХЪ въ память двухсошлѣтняго юбилея
Императорскаго Александровскаго Университета,
изданный Я. Гротомъ. 1842. Въ 8, 303 спран.
(1 р. 50 к., съ пересылк. 2 р. сереб.)

Торжество двухсошлѣтняго юбилея Финляндскаго
Университета, основаннаго королевою Христиною по
мысли и начертаніямъ графа Браге, происходило, какъ
извѣстно, 15 Юля 1840 года и послужило поводомъ
къ изданію книгъ альманаха, посвященнаго Августѣй-
шему Канцлеру Университета, Его Императорскому
Высочеству Государю Наслѣднику. Книга открыва-
ется большою спашьей г. Грота: *Воспомянія*
Александровскаго Университета, заключающія въ себѣ
довольно подробную исторію его и, въ-заключеніе, опи-
саніе юбилейнаго торжества. Спашья соснавлена дѣль-
но, умно, и, не смотря на односторонній импересъ
свой, читается съ удовольствіемъ. Слѣдующія за нею
стихи преспарѣлаго поэта Францена отличаются
чувствомъ какой-то грусти автора, испытанной имъ
при посѣщеніи мѣстъ, гдѣ некогда провѣлъ онъ юность.

Спихи эпіи, подь названіемъ *Путешествіе на юбилей*, помѣщены здѣсь въ переводѣ съ шведскаго, какъ и нѣкошорыя другія спашья, сославляющія альманахъ. Вошь нѣсколько спрокъ изъ стихошворенія Франціена:

Ахъ! какъ ѣхалъ я предъ древнимъ замкомъ,
Охраняющимъ все шаже городъ,
Но гдѣ нынѣ знамена другія, —
Изъ груди моеѣ прокрался шайно
Вдохъ о томъ, что землю дѣлится мечъ.

(Франціенъ — Шведъ и пріѣзжалъ на юбилей предъ спавинелемъ олъ двухъ Академій опечесіва своего.)

Я прекраснымъ пиромъ наслаждался
Не какъ сынъ Финляндіи одной,
Но какъ сынъ и Швеціи. Какъ мать, —
Хошь ужъ дочь ея не съ нею бошь,
Издалека съ радостью глядѣшь
На плоды своихъ уроковъ давнихъ:
Тамъ и Швеція беретъ участіе
Въ шоржесшвѣ Финляндіи цвѣшущей,
Подъ скипетромъ державы Русской, —

прибавимъ мы. Далѣе слѣдуетъ спашья (П. А. Плешнева, присуществовавшаго на юбилей въ качествѣ денушата олъ С. Петербургскаго Университета): *Финляндія въ Русской поэзіи*, гдѣ авторъ приводитъ мѣста изъ русскихъ стихошворцевъ, писавшихъ подъ вдохновеніемъ финляндской природы. Спашья эша оплпичается шѣмъ понкимъ вкусомъ, шюю свободою и пріятношнію изложенія, какія мы привыкли встрѣчашъ въ произведеніяхъ г. Плешнева. *Нѣсколько дней въ Лапландіи* (г. Каспрена), спашья, знакомящая читателя съ оригинальными нравами и родомъ жизни шземцевъ, равно какъ спашья г. Эмана и Лепрота: *О національномъ характерѣ Финновъ и Нынѣшніе крестьяне-поэты въ Финляндіи*, очень любопытны и весьма шѣсно соединены съ цѣлію и идеею альманаха, чего нельзя сказать о спашья графа Солмогуба — *Литературная совѣстливость*. Авторъ хошь, вѣроятно, сказать добросовѣстность: потому что слово *совѣстливость* имѣетъ совершенно другое значеніе и часшо прпшмается въ смыслѣ — *церемонность*, а шѣ, прошвъ кошорыхъ возмашъ онъ,

люди — вовсе нецеремонные. Кроме того, что спашья эта рѣшительно не на своемъ мѣстѣ, совершенно не къшапи, и ни какъ не вяжется съ общимъ содержаніемъ и характеромъ альманаха, она и сама по себѣ очень слаба, такъ, что мы не узнаемъ пера автора, всегда отличающагося аристократическимъ прилчїемъ, большою талантливостію и искусствомъ;—исполнена несообразностей, ученически-ложныхъ взглядовъ и вообще какой-то болѣзненности воззрїя. Мы убѣждены, что она написана просто — подѣ случайнымъ вліяніемъ дурнаго расположенія духа и потому было бы съ нашей стороны несправедливо указывать на ея спрранности и неловкости разнаго рода соближеній. Что касается до основной мысли спашьи, то есть, крайней несправедливости и недобросовѣстности ли-тературнаго суда, — авторъ хотя и сморпшл на предметъ въ преувеличенномъ видѣ, однако-жъ онъ и не совсѣмъ не правъ. Дѣло въ томъ, что пропшвъ злоупотребленій журнальнаго мнѣнія — ужъ если вооружаться, во имя истины, то вооружаться съ силою и съ запасомъ наличныхъ доказательствъ; иначе — это будетъ голосъ воющаго въ пустынь, — и, что еще хуже — пошлха для шѣхъ-же, кого мы обвиняемъ, хотя-бы и справедливо. Предоставимъ-же времени шорже-ство истины, и будемъ терпѣливо дожидаться того срока, когда вкусъ и непосредственное мнѣіе публики нашей до того образуются, что пристрастіе и недобросовѣстность крипки перешанушъ пугать талантъ и благородныхъ дѣйствозателей на поприщѣ литературы. И съ чего вздумалось автору нападать на крипку, которая всегда такъ пршвѣтствовала и хвалила его опыты (значитъ и на неѣ находилъ иногда припадки истины и справедливости)? Пусть, ужъ если это необходимо, развѣдываются съ нею шѣ, кто дѣйствительно испыталъ шяжкое и несправедливое ея вліяніе. Но и они уже опказались бороться съ соперникомъ, у котораго, вмѣсто благороднаго оружія, въ рукахъ, — комки грязи и клеветы, перемѣшанныхъ съ блеснками діалектики и такъ называемаго остроумія. Пишите, графъ, ваши прекрасныя повѣсти: мы первые ваши почитатели и хвалители, но не бросайте неосторожно опасному противнику перчатки вашей — она слишкомъ чиста и благородна для борьбы съ силою ловкой, изворопливой несправедливости. — Между-шѣмъ

мы отдалились от альманаха г. Гроша, въ которомъ, кромѣ исчисленныхъ спашей, заключаются еще двѣ слѣдующія: *Необойденный долъ*, князя В. Ѳ. Одоевскаго и *Макбетъ христіанская-ли трагедія?* г. Рунеберга. Первую—охотники до занимательныхъ сказокъ прочтуть съ большимъ удовольствіемъ,—потому-что она написана очень хорошо—съ извѣстнымъ искусствомъ ея автора, а вторую и съ пользою, какъ учено-крипическое разсужденіе о величайшей изъ трагедій. Разсматривая основную ея мысль, авторъ употребилъ свой, особый, способъ возрѣнія на это превосходное созданіе Шекспира. Результатомъ выводовъ г. Рунеберга разрѣшается вопросъ, что *Макбетъ*—есть дѣйствительно христіанская трагедія, или, другими, словами, что, при сочиненіи ея, поэтъ проникнуть былъ высокими испинами духовнаго міра, и въ извѣстныхъ «вѣдмахъ» эпохи трагедіи олицетворилъ зло искушенія земныхъ очарованій надъ духомъ человѣка.

42. РУССКАЯ БЕСѢДА. Собраніе сочиненій русскихъ липераторовъ, издаваемое въ пользу *А. Ф. Смирдина*. Томъ II. 1841. Въ 8, XXV и 603 стр. (За три тома 10 руб. сереб. и съ пересылкою.)

О первомъ томѣ этого изданія, предназначеннаго, благороднымъ содѣйствіемъ русскихъ липераторовъ, поправши, по-возможности, временно-разстроившіяся дѣла почтеннаго книгопродавца, мы говорили уже въ одномъ изъ нашихъ обозрѣній. Разсматриваемый нынѣ томъ, не уступающая первому ни въ разнообразіи, ни въ полнотѣ, превосходитъ его внутреннимъ достоинствомъ и изяществомъ исполненія. Начнемъ съ повѣстей. Въ числѣ ихъ первое мѣсто принадлежитъ «Аптекарьш», графа Соллогуба. Вотъ основа ея содержанія. Хорошенькая, мечтательная измочка влюбилась въ студента, который также любилъ ея, но у котораго житейскіе разсѣлы и свѣтскія понятія далеко превышали мечтательность и любовь; «въ слѣдствіе чего» онъ разсѣлъ, что, составивъ счастье дѣвушки, т.-е. женившись на ней, онъ не составилъ вполне «собственнаго» счастья, какъ разумѣютъ послѣднее люди, принимающіе жизнь въ значеніи спекуляціи. Они разспались. Каждого изъ нихъ ожидала своя судьба, не равная ни въ какомъ смыслѣ: не равны были и любившіе другъ друга. Проходящѣ

годы. Студентъ, уже «чиновникъ по особымъ порученіямъ» (видише-ли, онъ и въ службѣ разсчиталъ, какъ эгоистъ, на мѣсто чиновника по особымъ порученіямъ!), и нѣмочка, уже супруга аптекаря, въ уѣздномъ городкѣ, — короче, молодые люди наши, или, если угодно, любовники встрѣчаются. Аптекарьша вышла за своего аптекаря вовсе не по любви — несчастная женщина была жертвой, игрушкой роковой судьбы своей: мужъ ея не глухой и честный человекъ, но онъ изъ числа шѣхъ чудаковъ и некрасавцевъ, которые не могутъ нравиться женщинамъ. «Изъ сего явствуетъ», что, при неожиданной встрѣчѣ съ бывшимъ студентомъ, нѣмочка по-прежнему воспыкала къ нему нѣжною спраснію, на кошорую «чиновникъ по особымъ порученіямъ» не только соблаговолилъ отвѣчать, но и разсчелъ, что онъ очень удобно, при эпоѣ оказіи, можешъ соблазнить супругу почтеннаго аптекаря. За столь благороднымъ намѣреніемъ немедленно послѣдовало исполненіе его. Аптекарьша оборонялась слабо и была уже на краю гибели, какъ выразилась-бы, напримѣръ, покойная г-жа Жанлисъ, но случайность и добрый геній, во-время подоспѣвшій, спасли еѣ и разстроили великодушные планы г. чиновника по особымъ порученіямъ, который, надобно прибавить, былъ не простой чиновникъ по особымъ порученіямъ, но принадлежалъ къ хорошей фамиліи, вхожъ былъ, какъ «свой», въ лучшіе дома Петербурга, словомъ, чуть не аристократъ, — разумѣется во внѣшнемъ значеніи: я разумѣю аристократа столь-же высоко споящимъ на степени нравственной, какъ высоко спойтъ онъ на мѣшницѣ общественныхъ преимуществъ. Любовники опять разстались безъ дальнихъ приключеній, шѣмъ болѣе, что мужъ нѣмочки въ пору догадался о своемъ страдательномъ положеніи, — убѣдась, что петербургскаго заѣзжаго привлекаешъ въ его убогую аптеку опіюдь не запахъ медикаментовъ, а прелестная, благоухающая особа его супруги. Между аптекаремъ и чиновникомъ послѣдовало объясненіе, «въ-силу» котораго послѣдній, по-добру — по-здорову, убрался изъ уѣзднаго города, при «каковомъ» объясненіи аптекарь, хоть и чудакъ и уродъ, пожалуй, но заставляешъ себя уважать: онъ на сто градусовъ выше петербургскаго джентельмена въ палевыхъ перчаткахъ, — съ блѣдною душонкой. Повѣсть оканчивается шѣмъ, что, по прошествіи года, чиновникъ особыхъ

порученій проѣзжаетъ черезъ полтъ-же уѣздный городъ, справляется мимоходомъ, такъ, къ-слову, объ аптекаршѣ, и ему говорятъ, что она умерла... чахоткою, приключившеюся ей, вѣроятно, отъ любви. Такое, по крайней-мѣрѣ, заключеніе мы имѣемъ право выводить изъ предшавляемаго авторомъ характера его злополучной героини. А что спалось съ чиновникомъ по особымъ порученіямъ? Не знаемъ, да и не хотимъ знать. Онъ, конечно, по-прежнему, проводитъ время въ лучшихъ домахъ столицы... Кому какое дѣло до аптекарши?... Умерла! — Царствіе ей небесное! На ней спуденшъ женился не холмѣлъ, жена аптекаря не могла принадлежать чиновнику по особымъ порученіямъ, а чиновникъ по особымъ порученіямъ теперь, вѣроятно, вице-директоръ и замышляетъ, правильнѣе, разсчитываетъ выгодную парнію въ одномъ изъ лучшихъ домовъ столицы. Что-жъ новаго въ повѣсти — *Аптекариша*? Очень много. Во первыхъ изъ нея узнаемъ, что въ наше время, также какъ въ блаженныя времена Вернера и Шарлоты, умираютъ отъ любви. Да, знаете ли: вѣдь и «аптекаришу» зовутъ Шарлотой! Вы скажете: такъ здѣсь повпорился, на-оборотъ, знаменитый романъ Гёте? Ни мало, если вы вспомните, что въ мірѣ все неизбѣжно повпоряется, въ различныхъ лишь образахъ и положеніяхъ; следовательно, упрекъ въ подражаніи должно считать однимъ изъ самыхъ неосторожныхъ упрековъ, особенно — если вздумаютъ отнести его къ такому таланту, какимъ владѣетъ графъ Соллогубъ, безспорно одинъ изъ лучшихъ русскихъ повѣстчиковъ. А каковъ его уѣздный «вѣстовщикъ» — его «любопытный разспросчикъ» — провинціальный франтъ въ венгеркѣ? — Ловите его, гг. издатели *Нашихъ*: это «шнѣ»!! Ловите, возьмите его себѣ: мнѣ его не нужно. И для себя и для меня, и для большей части читателей и человечества, онъ уже исполнилъ свое призваніе: перо автора «Аптекариши» и обезсмертило и погребло его. Съ десятками его экземпляровъ, въ натурѣ, вы, можетъ быть, еще встрѣтитесь, но въ книгѣ довольно и нѣсколькихъ страницъ, ему посвященныхъ. Нельзя же-цѣлый вѣкъ воспѣвать дураковъ и полудураковъ. Они скоро наскучатъ, пѣмъ болѣе, что вкругъ себя, чаще или рѣже, вы всегда найдете людей, болѣе заслуживающихъ вашего вниманія. Справно! нѣкоторые умные и даровитые беллетристы наши по-

спавили себѣ какъ-бы за правило бытъ почпи исклю-
чительно Гомерами оприцавательныхъ героевъ, п.-е. ге-
роиковъ, нашего общества, нулей съ лѣвой спороны,
и не хопятъ видѣтъ въ немъ ни одной единицы, даже
хопя дробнаго количества. Въ благородной, исполнен-
ной чеповѣческихъ помысловъ, душѣ своей, эпи гг. бель-
лепристы глубоко презираютъ упомянутыхъ нулей,
а между-шѣмъ поставляютъ себѣ въ славу такъ на-
зываемыя мастерскія изображенія современныхъ пепи-
менровъ и разнаго рода, въ разныхъ одеждахъ, болван-
чиковъ, съ чеповѣческими именами, — въюбились въ
нихъ, какъ въ красныхъ дѣвушекъ, безъ ума опъ нихъ!!
Каррикашура и смѣшное, облитое жѣлчью — вопъ де-
визы нѣкоторыхъ нашихъ повѣспчиковъ, повпоряемъ
даровитыхъ, но избравшихъ ошибочное направление.
Не шуда, гг., попадаешъ ваша сашира — мѣша ея не для
пулей, а для оприцавательныхъ единицъ, сошуществую-
емыхъ большими числами или нулями съ правой спо-
роны; между-шѣмъ поищисе-ка подлѣ себя и суммы
положительныхъ величинъ, ужъ если пришлось объ-
ясняшся математически. Для повѣспки есть еще и
другіе элементы, кромѣ каррикатуры и смѣшнаго, ко-
шорое даже и не жалко, — какъ жалокъ напрымѣръ
петербургскій денди въ «Аптекаришъ». Возмише, въ
этомъ смыслѣ, урокъ у графа Солмогуба — у него, фран-
шикъ въ вергеркѣ такъ, между прочимъ — смѣшопъ и
не болѣе; у него я не вижу жѣлчной неспависти и
«величаваго презрѣнія» къ этому франшику, кошорое
было-бы и неспаведливо, пошому-чшо послѣдній не
въ соспопци возвысился болѣе, на сколько подняла
его прихощливая машъ-природа. Оприцавательные ха-
рактеры, возбуждающіе негодование, любопышны въ
психологическомъ опношеніи, и предспавление ихъ въ
повѣспки имѣешъ назидательную спорону. Я люблю изу-
чашъ природу шигра, леопарда, даже лисицы — по чшо
вы будете разсказывать мнѣ въ цѣлой книгѣ о зайцѣ или
ослѣ: одинъ годился на шпигованное жаркое, другой
славно возишъ воду и пришомъ не такой спрадалецъ,
какъ Водовозъ въ «Нашихъ»; — скажише же, на милоспъ,
изъ-чего я спану *задульватся* надъ судьбою и свой-
спвами эпихъ невинныхъ живощныхъ. Вы не любите
высокаго, папешического, идеальнаго, смѣтешъ надъ
нимъ: но мнѣ, право, не смѣшны ваши уродцы-геронки,
кошорыхъ, во имя чеповѣчества, ждеишите вашу эпич-

трамою и вѣчною пропѣй, равнодушно проходя мимо наслопцаго челоуѣка, не замѣчая его существованія или даже не вѣря въ послѣднее. . . Авторъ «Апшекарши» не казнитъ презрѣнїемъ : не смѣтнаго своего героя, чиновника по особымъ порученїямъ: но шѣмъ не менѣе вы презираете его опъ всей души, какъ оприщательную величину общества, обремененную численными нулями свѣтскаго значенія, — и шупь-шо ищете глубокой идеи «Апшекарши». Члѣд касается собственно аптекарши или «Шарлоты графа Соллогуба» (называемъ её такъ для опличїя опъ Гешеовой Шарлоты) — мы не понимаемъ, какъ эта возвышенная, благоухающая женщина могла любить челоуѣка, можешъ бытъ и красавца, и даже, если хошете, не злаго, не подлаго челоуѣка, но которьй ниже ее нравственною природою на неизмѣримое расплощенїе. Но въ любви нѣтъ вопросовъ: почему мы этого любимъ, а того ненавидимъ (хоша и существуетъ это скрышное *погелу*?); следовательно, авторъ здѣсь правъ, и мы обращаемъ вопросъ свой только къ бѣдной Шарлотѣ: намъ такъ жаль её, что мы охотно пошли-бы поплакаться на ея могилу, если-бъ могли опъискать на каршѣ описанный авторомъ уѣздный городокъ. Тамъ мы зашли-бы и къ печальному вдовцу — аптекарю; тамъ, можешъ бытъ, повстрѣчались-бы и съ франшикомъ въ венгеркѣ, которьй, по своему обыкновенїю, познакомься съ ними, непременно-бы спросилъ: «А позволите узнать, какая это у васъ табакерка: Душутинская или брауншвейгская, сколько вы заплащали за неё и какой нюхаете табакъ — березинскїй или бергамошнїй?» — Но въ-вѣкъ не хотѣлось-бы намъ встрѣчаться съ чиновникомъ по особымъ порученїямъ — намъ кажется, что опъ него должно пахнуть всѣми благовоиїями магазина духовъ и смрадомъ духовнымъ. Богъ съ нимъ! . . . Теперь нѣсколько словъ объ исполненїи, въ художественномъ смыслѣ, разсматриваемой повѣсти. Здѣсь мы не позволимъ себѣ никакого замѣчанія, потому-что здѣсь всё прекрасно, всё блестящъ вкусомъ, шопчайшимъ приличїемъ и опдѣлкою руки, на которой видимъ печать паланта и масперства; однако-жъ относимъ всё это къ внутреннему достоинству расположенія: вѣтшность, наружная обработка слога иногда измѣняютъ автору; но и это припишемъ не болѣе, какъ къ небрежности, недошпру. Между-шѣмъ посовѣтуемъ автору обратишь

вниманіе и на эту незначительную, повидимому, часть поамела мысли. Погрѣшности противъ чистоты и гладкости слога непріятно поражаютъ читателя и вредящъ общему впечатлѣнію, производимому повѣстью. Чтобы упрекъ нашъ не показался неосновательнымъ, подкрѣпимъ его сильнымъ доказательствомъ, обрѣцаемымъ нами, на примѣръ, на стр. 15 разсмотрѣнной повѣсти: «Оглядѣвшись со всехъ сторонъ, наивѣ-
«шилъ плечъ на пріемномъ шоржестивѣ, надѣвши пе-
«спрую фуражку, заплашивши за коллегіи, испыталъ
«(эхъ! зачѣмъ-бы ужъ и последнему слову не дасть
«окончанія на ши?) силу руки своей въ маханіи ра-
«пиры, молодой баронъ разсудилъ, что, чтобы бышь
«полнымъ студентомъ, ему освавалось еще одно —
«влюбиться.» — Подумаешь, что авторъ написалъ это нарочно — въ примѣръ какафоніи.... *Мигманъ Поцль-
луевъ*, или «*живучи оглядывайся*», повѣсть, — если хочише — цѣлый романъ В. Луганскаго, похожа болѣе на практическія замѣтки чловѣка умнаго, наблюда-
тельного, много испытавшаго, много ѣздившаго, мно-
го видѣвшаго и изъ всего видѣннаго, слышаннаго, из-
вѣснаго ему, извлекающаго данныя для разсказа въ
родѣ повѣсти, — нежели на настоящую повѣсть,
въ которой жизнь, быспроша движенія и спрастей,
въ соединеніи съ инстинктивною догадкою таланта,
выкупаютъ недоспатоки обыиности и наглядности.
Такъ или не такъ, но *Мигманъ Поцльлуевъ* непосред-
ственно навѣлъ насъ на это обближеніе: мы читали
его безъ скуки, даже съ удовольствіемъ, но легко
могли-бы и не дочитать его — насъ ни что не при-
ковывало къ нему живымъ участіемъ, теплыми ин-
тересами; намъ даже повѣсть г. Луганскаго показалась
распянушою, безконечною, безъ единства идеи и общно-
сти интриги. Согласны, что многія вводности и очер-
панія характеровъ любопытны, но шѣ и другія при-
клеены и не составляютъ необходимости. *Были и
небылицы*, по нашему мнѣнію, лучшее изъ всего, что
написалъ г. Луганскій, какъ повѣстчикъ.... *Мариетта*, —
«записки русскаго живописца», были-бы довольно за-
нимательны, если-бъ авторъ не хотѣлъ сдѣлать изъ
нихъ повѣсти, а повѣсть не удалась пошому, что въ
ней нѣтъ конца, пачало-же затерялось въ какомъ-то
уѣздномъ русскомъ городѣ, протянувшись до Италіи
серединою.... *Душа женщины*, «Перотское мисническое»

преданіе» (К. В. О.), пренесчастливая душа, — была необыкновенно-добродѣтельна на землѣ, но райской обители не удостоилась, за то, что какой-то злой демонъ укорилъ её въ *гордости смиренія*. Черезъ чуръ тонко! Авторъ перехитрилъ, и ради внезапной, неожиданной читателемъ кашасироты, нѣсколькими окончательными шпороками, испортилъ высоко-психологическую идею и драматическій рассказъ, обличающій руку искушенную и паланшливую.— *Слугай изъ жизни Гете и земля его поѣздка на Гарцъ*, статья А. Спруговщикова, любовишна, какъ всё, что относится къ частной жизни великаго поэта-философа, и при томъ особенною занимательностію своею обязана извѣстной даровитости автора. — *Захарушка добрая душа и каменная баба*—какой-то винегреть, и, надобно прибавить, очень не вкусный. Дурачекъ Захарушка воспитывается у какихъ-то равномерно-глупыхъ супруговъ... потомъ, вдругъ, изъ съ шого, изъ съ сего, является каменная баба, змѣй горыничъ и разная чертовщина. Удивительно, что такой умный писатель, какъ г. Вельшманъ, пишетъ иногда Богъ-знаетъ какія чудесности! Если это опривокъ изъ большаго сочиненія, то за чѣмъ печатанъ выдержки безъ смысла и всякаго значенія. Вчужь досадно за автора, пѣтъ болѣе, что и въ этомъ *Захарушкѣ* разбѣяны блески неоспоримаго таланта, блуждающаго, къ сожалѣнію, въ какомъ-то странномъ, неудобопонятномъ направленіи — *Два дня въ Делутовомъ трактирѣ*, очень лёгкій, но пріятный рассказъ барона Ф. Корча, также какъ и *Рассказъ г. Основляенки*, который, съ извѣстнымъ своимъ юморомъ и добродушіемъ повѣствованія, изъ простого анекдота умѣлъ сдѣлать забавную, юмористическую быль-сказку. *Два глаза изъ романа*, А. Башуцкаго, обещающъ романъ эффектно-патетическаго содержанія, сколько можно судить по опривку, а потому и не пускаемъ въ дальнѣйшій судъ: вкусъ и требованія нашихъ критиковъ и читателей такъ различны, что на всѣхъ не угодишь. Юморъ, сатиру, насмѣшку, *холодное* предпочитаютъ нынѣ *жаркими* чувствованіямъ — чувствительность, даже истинную, честнѣе именемъ сенсациональнаго и смѣшно-плаксиваго, — самое глубокое чувство и драматизмъ смѣшивающъ иногда съ театральною риторикою. Критики-ли ошибаются, или авторы попадають не въ

такъ?.... *Записки Д. В. Давыдова*, во время побѣдки его, въ 1826 году, изъ Москвы въ Тифлисъ, любопышны, особенно въ началѣ, а оканчивающаеся тамъ, гдѣ-бы хотѣлось видѣть самое военное участіе автора на поприщѣ за-кавказской войны, куда онъ призванъ былъ милосердивымъ довѣріемъ Государя Императора къ его рапшиымъ дарованіямъ. Наконецъ, во второмъ томѣ Русской Бесѣды заключающаеся три серьезныя и дѣльныя статьи, любопышныя не менѣе беллетристическыя. *Архангельскій Соборъ* (автора Пущешествія къ Святымъ Мѣстамъ), гдѣ описываются, съ историческими размышленіями, гробницы древнихъ влассителей Руси; *Пекинское дворцовое правленіе*, Отца Іакнива, и *Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ* (князя И. Долгорукова) чрезвычайно-интересная и очень хорошо написанная біографія. Мы не желали-бы видѣть въ ней, однако-жъ, мысли, выраженной слѣдующими спроками, на спраш. 12: «Многіе удивляются горьскимъ слезамъ, проліяннымъ Петромъ Великимъ при «полученіи извѣстія о внезапной гибели Карла XII, «и замѣчательному восклицанію: *Жаль мнѣ тебя, «братъ Карлъ!* Кончина Карла XII лишила Петра «всякой надежды на немедленный миръ и возвѣщала ему «продолженіе борьбы кровавой и утомительной...»— И такъ: слезамъ, участію Петра къ судьбѣ Карла придано значеніе корыстное! Высокой душѣ Петра оказано въ побужденіи чистѣйшемъ, благороднѣйшемъ!!— Обмолвка слишкомъ неосторожная и непро-спитительная.... Въ разсмотрѣнной книгѣ есть еще и стихотворенія извѣстнѣйшихъ нашихъ поэтовъ, или, правильнѣе, стихотворцевъ: здѣсь имена ругающаеся, что стихи должны бытъ очень хороши, и мы сожалѣемъ, что не имѣемъ мѣста на опредѣленное указаніе пѣническихъ красотъ ихъ.

43. СКАЗКА ЗА СКАЗКОЙ. Томъ I. 1841. Въ 8, 302 стр.
(2 р. 25 к., съ перес. 2 р. 75 к. сереб.)

Это собраніе повѣстей и разсказовъ, или, слѣдуя титулу книги, «сказокъ», началось анекдотомъ, давнымъ-давно извѣстнымъ, но изъ котораго г. Кукольникъ сдѣлалъ пѣсно художественное—расплотивъ его мастерскою завязкой или присказкой. Время дѣйствія этого анекдота начало XVIII вѣка. Мѣсто дѣйствія

*

деревня близъ Коспромы, и попомъ въ Петербургъ. Яркими и вѣрными красками изображаешь авторъ недоросля-дворянчика тѣхъ блаженныхъ времёнъ, упомиающаго въ невѣжествѣ и развратѣ, разумѣется — безсознательно, именно по причинѣ невѣжества и крайней грубости понятій, воспитанныхъ на заднемъ дворѣ, въ конюшнѣ и дѣвичей. Хороша также вышла изъ-подъ кисти г. Кукольника почтенная родительница этого милаго недоросля, горько сыпущая на новый порядокъ вещей, вводимый Петромъ. Какъ неутишно плачешь она о сынѣ, насильно выпребовавномъ на службу! Ей-бы хотѣлось, чпобы ея ненаглядный Володи цѣлую жизнь прожилъ недорослемъ на заднемъ дворѣ своего боярскаго дома, съ собаками и поломойками. Теперь, конечно, нѣтъ уже ни такихъ недорослей, ни такихъ чувствительныхъ мапущекъ. Великій Петръ всему у насъ положилъ начало, довершенное достойными его Преемниками. Въ томъ-то и заключается идея или основная мысль разсказа: *Сержантъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ*. Другой анекдотъ г. Кукольника *Эдуардъ и Кунигунда*, не удался какъ первый. Дѣло въ томъ, что супруги, праздновавшіе, серебряную свадьбу, разошлись изъ-за будущей судьбы ребѣнка, котораго у нихъ никогда не было; поминися, кто-то разсказалъ уже этотъ анекдотъ несравненно лучше: за чѣмъ-же спарую почтенную картину подновлять блѣдными красками? Третья повѣсть г. Кукольника: *Полковникъ Лесли*, изъ времёнъ Михаила Федоровича, была-бы очень хорошая историческая повѣсть, если-бъ въ ней было меньше огня, пожаровъ, крови, убійствъ, эффектовъ и «блистательныхъ декорацій», — которыя могутъ годиться для бенефисовъ Александринскаго театра, но слишкомъ «раздираютъ» душу въ тихомъ кабинетномъ чтеніи. *Шахъ и Матъ*, историческая повѣсть XIV столѣтія, г. Александра Грамотова, переноситъ воображеніе подъ небо живописной Гренады и къ живо-говорящимъ, во-спочно-поэтическимъ, развалинамъ Альгамбры. *Дуняша*, разсказъ О. П. **, отличаетъ неестественною завязкою и проситъ развязки, которой какъ будто не достаешь; поже почти можно сказать и на счетъ плохой опчепливости въ интригѣ повѣсти. Короче, — всѣ эти сказки, относительно, не безъ упрековъ и не безъ достоинствъ, не говоря уже о слогѣ, усвоенномъ въ порядочныхъ

книгахъ. Но что́ это такое? *Мертвые головы*, или *Русскіе въ Чегль*, повѣсть П. Каменскаго. Воля ваша, — обыкновенною, живою, здоровою головою, мы понять эпоху повѣсти не можемъ. Давно-ли, разбирая первый томъ Русской Бесѣды, читали мы въ ней премилую повѣсть того-же автора, *Фултонъ*, кошорая, по-крайней-мѣрѣ, доказала, что у него есть дарованіе, и что онъ, когда захочетъ, можетъ писать просто и занимательно. Только-что успѣли мы сказать это, какъ авторъ вдругъ опять принялся за старую и любимую привычку свою: вздувать, à la Марлинскій, выраженіе и фразу — до того, что въ нихъ наконецъ не остается ни какого смысла: самъ фразистый учитель и образецъ автора «Мертвыхъ головъ» содрогнулся-бы въ могилѣ, если-бъ могъ слышать — до какого злоупотребленія доведена его манерность и фигура. У него это была природа, ни отъ кого не заимствованная, — у него это нравилось, потому-что выходило иногда чрезвычайно ловко и складно: у подражателей-же и копистовъ его, которые, на зло вкусу и просвѣщенію, являются еще въ 1842 году — эта манерность и вздушая фраза походятъ на какую-то лоснящуюся опухоль, неприятную для глаза....

44. НАШИ, списанные съ натуры Русскими. 1842. Первые восемь выпусковъ. Въ С, 62 стр. (Цѣна каждому выпуску 40 коп. серебр. При полученіи каждого выпуска вносятъ за него *деньги* (?) и платятъ впередъ за слѣдующій.)

Споусная молва повсюду разнесла уже вѣсьмъ объ этомъ роскошномъ изданіи, — объ его великолѣпныхъ полипинажахъ, бѣлоснѣжной и апласно-гладкой бумагѣ, узорчатыхъ украшеніяхъ текста, напечатаннаго разпрекрасивымъ шрифтомъ; — слѣдовательно, угрюмой критикѣ, кошорая не смягчается ни какими иѣжностями внѣшности, не преклоняется ни передъ какимъ великолѣпіемъ, остается только сказать нѣсколько словъ о содержаніи и достоинствѣ текста. И такъ, позволите спросить: кто эти *Наши*, списанные съ натуры Русскими — Французы, Немцы — или, можетъ быть, лондонскіе дженшельмены? Ни мало — это русскіе пины: петербургскій *водовозъ*, петербургская *барышня*, кошорая, мимоходомъ сказать, очень

моженъ быль, безъ всякой почини перемѣны, парижскою и вѣскою барышней, и *армейскій офицеръ*,—не толь русскій офицеръ, который, въ грозную годину испытанія, драгся на Бородинскомъ полѣ, потомъ съ торжествомъ подъ сѣнями Парижа,—офицеръ, колораго знаенъ Еврона, который переходилъ Балканы, видѣлъ Эриванъ и проливалъ кровь подъ сѣнями Варшавы за права своего Государя, — нѣтъ, это офицеръ, полусозданный, полускопированный съ необичаго оригинала запыливою кистью автора. Пора-бы переспать *типовать* офицеровъ и чиновниковъ! На нихъ привыкли смотрѣть въ невѣрное стекло, представляющее однѣ лишь каррикатуры и смѣшное, — тогда-какъ, въ числѣ ихъ и другихъ, есть многіе, стоящіе кисти ариниста-психолога, а не малярной вывѣски надъ цирюльней въ Гороховой улицѣ. Пишущій эти спроки родился и выросъ на бивуакѣ, въ лагеряхъ, въ походахъ съ опцомъ-веперапомъ, и потому знаешь русскаго офицера лучше нежели тѣ, которые въ-полъ глаза смотрятъ на него съ напрасною улыбкою сожалѣнія, а не знакомы съ нимъ коротко, во всѣхъ случаяхъ и подробностяхъ его кочевой жизни; при сошавленіи-же своихъ пиновъ руководствующая полько общими мѣстами и принятымъ способомъ юморическаго малеванія, расписывая, безъ строгаго разбора, черными красками и шѣ, въ чѣмъ красующая иногда неподдѣльные цвѣты высокихъ доблестей, заштылемыхъ недостаткомъ восшнанія и еще болѣе свѣтско-сти. Молодое, новое поколѣніе нашихъ офицеровъ, образуясь въ кадетскихъ корпусахъ и другихъ отличныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, чуждо даже и послѣдняго упрека—въ недостаткѣ восшнанія.... Глушцы, невѣжды, испинно-смѣшные, существуютъ во всѣхъ классахъ, во всѣхъ сословіяхъ, на всѣхъ ступахъ и опшрыскахъ цивилизаціи — за чѣмъ-же неизрѣнно хопише находишь ваши пины именно шамъ и шамъ, — потому только, что это принято издавна. Между чиновниками, особенно петербургскими, служащими въ министерствахъ, бѣольшая часть — люди образованные, дѣльно-полезные, часно понимающіе истинное благородство и жизнь не хуже иного раняго философа. Мы согласны, что въ числѣ армейскихъ офицеровъ есть оригиналы, презабавные, преуморительные, — но эти нѣкоторые, эти немногіе суть *гастности, исключенія*,

а однудь не цѣлое, не шипъ—не представившеи *общаго*; вспомнише, что вы рисуеш не одинъ пориришъ, а нѣч по, заключающее въ себя множество пориришвъ. Переспаныне-же каррикатурины нѣо, въ чѣмъ гораздо болѣе свѣпыхъ споронъ, нежели темныхъ, иребуоуцихъ исправленія сашироу. Не шуда, не шуда понадаеш она, гг. юморисны и пам-лестисны. Ошибка въ воззрѣнн, недоспапокъ въ приспальнѣйшемъ, блнжайшемъ изученн, и вошъ опчегъ ваша, иногда ма-сперская, кнспъ рисуеш невѣрно, — и ваши шпы болѣе—собешвенныя ваши, препшнересныя, но въ разладѣ съ дѣйствительноснню, изобрѣненія досузей чашпазнн... Здѣсь, напрнмъръ слншкомъ безобразнш армейскаго офнцера, а рядомъ съ ннмъ воспѣваюшъ *водовоза*, не узнаннаго яко-бы спрадалнца челошечнсва. Въ опшошенн къ *водовозу* одинъ авшоръ исполненн самой чувствительной члншпроннн, а другой чдкнмъ сарказкомъ и прощей казннш немилосердо члена общесшва, которое пошому развѣ должно бышъ гошнмо, что проливаеш свою кровь, а не воду. Дѣло въ томъ, что, помнмо водовоза, въ чернорабочемъ клас-сѣ еспъ множество горемькъ, завндуоущнхъ водовозу, какъ счаслнвцу, а въ сословнн дворянъ или, шакъ называемомъ, благородномъ сословнн еспъ шпы почнше вашихъ мннмыхъ армейскнхъ офнцеровъ и чиновншквъ. Покойный Лермоншвъ представнлъ намъ въ своемъ «Макснмъ Макснмычъ» пеннцннш шпшъ закавказца-офнцера, котораго вы глубоко уважаете, не смощра на его спранноснн, грубую, днкую оболочку, и недоспапокъ образованн. Пншнше шпы съ такою иешншою и съ шакнмъ уваженнемъ къ иешнш!—У г. Башуцкаго прнзншо, патешнческое неро, исполненное немншмъ душевной и прекраснаго сердца — но оно собешвенно не для шпывъ. Въ *Водовозъ* еспъ превосходнныя спранцы, но онѣ не на мѣспѣ, не къ лицу водовозу. Про послѣдняго можно было сказашъ, что, не смощра на безпреспанное обращенн съ водою, у него всегда не чнсты руки, но не должно было дѣлать его героемъ, величавымъ представншелемъ своего «сословня» — съ непоколебнмою снлою воли, самоошверженнемъ, вѣрою въ свое прнзванн и другими высокнми качесшвами, свойственными не водовозамъ. Гораздо правдоподобнше и удачнше исторня лошади водовоза — лучшее мѣспо въ спашѣ. *Армейскнй офнцеръ въ Па-*

шихъ, кроме невѣрности съ подлинникомъ, исполненъ безиреснаннхъ несообразностей и прошиворѣчій авторя; за всѣмъ тѣмъ, у него нельзя опинать ни дарованія, ни комизма: но то и другое не достигло цѣли, потому что ея и не было. *Барышня*—дѣйствительно, пишеть. Это, позволите видѣть, перезрѣлая барышня, лѣтъ за тридцать. На похоронахъ, крестинахъ на свадьбѣ—она непременно *полезная* гостя: здѣсь помогаетъ шить праурное платье, шамъ подвѣчное, а на крестинахъ, она, пожалуй, позаботится и о пелѣнкахъ. — Добрая барышня! Ей очень еще хочется замужъ, она все надѣется и умираеть съ этою надеждою. — Бѣдная барышня! Но это пишеть не одной русской барышни, какъ замѣчено уже выше, и припомъ она «барышня» въ укорительномъ смыслѣ. Мы лучше желали-бы познакомиться въ *Нашихъ* съ настоящей русской барышней, лѣтъ девятнадцать, у которой глаза голубые, щѣчки розовые, русые локоны,—съ барышней, пожалуй, провинціальной, деревенской. Разскажете намъ, какъ она мила, весела, уныла, какъ она гадаеть о суженомъ, какъ она любитъ, спирадаеть? Напомните намъ Татьяну Пушкина! Кстаии о Пушкинѣ. Кнѣ лучше его рисоваль и въ прозѣ и въ стихахъ русскую жизнь: но впадалъ-ли онъ въ каррикашуру, шамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ нѣтъ каррикашуры? Лучше прибавьте лишннхъ добродѣтелей, какъ, напримѣръ, сдѣлаль съ водовозомъ г. Башуцкнй, нежели пороковъ, потому-что послѣднее — клевета.... Какъ-бы то ни было, — *Наши* затѣйливал игрушка. Желаетъ имъ успѣха — и успѣхъ будеть, если, во-первыхъ, возможно продаватъ ихъ подешевле, а во вторыхъ, вмѣсто обѣщаемой перенечашки старыхъ, давно уже извѣстныхъ, давно уже прочитанныхъ спашей — *согннются* новые пишны.

45. СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХЪ. Нѣкоторыя черты правовъ и образа жизни, семейной и одинокой, Русскихъ дворянъ. Изданіе прешіе, вновь разсмотрѣнное и исправленное. — 1841. Въ 8, I XXI, 255, 500, 312, 556, 347 и 378 страницъ. (6 р. съ перес. 7 р. сер.)

Въ новомъ изданіи своей книги авторъ помѣстилъ опивннхъ кришикамъ; но, по нашему мнѣнію, за исключеніемъ нѣсколькихъ опромешчивыхъ и не-

основательныхъ обвиненій, криптики, на эптомъ разъ, бѣльшею частію, правы. — Я также былъ, по-несчастью, въ числѣ тѣхъ рецензентовъ, которые замѣтили автору, что романъ много-бы выигралъ, если-бъ, вмѣсто шести томовъ, ограничился четырьмя. Вошь, почти отъ слова до слова, что было сказано мною, мимоходомъ, о *Семействѣ Холлскихъ*, по поводу выхода въ свѣтъ *Провинціальныхъ Сценъ*, того-же автора (№ 171 Русскаго Инвалида за 1840 годъ)... *Семейство Холлскихъ* — одно изъ самыхъ любимыхъ нашею публикою сочиненій — читается и перечитывается съ удовольствіемъ. Рядъ характеровъ, исполненныхъ жизни, интереса, не рѣдко оригинальныхъ, не рѣдко слишкомъ обыкновенныхъ, но самую обыкновенностію своею останавливающихъ вниманіе; происшествія занимательныя, любопытныя, иногда живо протекающія участіе читателя; слогъ пріятный и обработанный — вошь достоинства этого романа, доставившія ему почетное мѣсто между русскими романами. Но если-бъ изъ шести томовъ авторъ сдѣлалъ четыре, сочиненіе выиграло-бы и въ художественномъ значеніи и въ самой занимательности; распянутость, чрезвычайное обиліе вводныхъ лицъ и эпизодовъ, — безъ которыхъ легко-бы обоипшился, и которые, бѣльшею частію, ни мало не связаны съ главною интригою драмы, — много вредитъ ходу ея и развлекаютъ, безъ нужды, вниманіе читателя. Авторъ, конечно, имѣлъ въ виду предсавить въ обширномъ объѣмѣ картину нравовъ и жизни русскаго дворянства: но невозможно въ предѣлахъ одной рамы соединить всѣ положенія, всѣ частности, всѣ любопытныя и рѣзнодорожныя споронны этой многосложной, почти безконечной картины, — невозможно безъ того, чтобы центръ ея, или собственно драма, безъ которой нѣтъ романа, не погрязла въ омутѣ безчисленныхъ обстановкахъ и приложений; другими словами, изъ матеріаловъ этой картины, неумѣстимой па самой огромной сценѣ любого манежа, — изъ матеріаловъ, напрасно собранныхъ въ одно цѣлое, лучше-бы было автору составить нѣсколько отдѣльныхъ картинъ или сочиненій мѣншаго объѣма, но въ которыхъ, зато, сохранилось-бы единство, вѣчно неизмѣнное условіе всего истинно изящнаго и гармоническаго. Нѣкоторымъ доказательствомъ справедливости такого заключенія можетъ

быть другое сочиненіе автора *Семейства Холмскихъ*— «*Провинціалльннхъ Сценъ*. Эта книга служила какъ-бы продолженіемъ, эпилогомъ перлаго сочиненія, хотя время дѣйствія послѣдняго и описано авторомъ къ концу прошедшаго столѣтія. Тѣ-же лица, помяты же колоритны характеровъ, даже нѣ самыя имена дѣйствующихъ лицъ: кажется, — встрѣчаемся съ старыми знакомыми и видимъ, что они ни сколько не перемѣнились. *Сундуковъ* такой-же опиврапительный богачъ, какимъ представленъ въ *Семействѣ Холмскихъ*; *Пронскій* такъ-же уменъ, честенъ, безкорыстенъ и, по-прежнему, немножко педантъ, т. е., представленъ слишкомъ совершеннымъ; а мы думаемъ, что люди никогда не бывающъ ни совершенно добродѣтельными, ни совершенно порочными. Нашъ авторъ, напрошивъ, любилъ изображать ихъ въ состояніи одной изъ эпитхъ крайностей; его благородные характеры доведены до высшей степени нравственныхъ достоинствъ; зато, въ контрастъ имъ, негодны и бездѣльники поставлены на самомъ днѣ низости и черноты душевной. Порокъ и безъ того слишкомъ непривлекателенъ — зачѣмъ-же придавать ему, для вѣщей яркости или эффекта, черты слишкомъ ужъ рѣзкія. Писатель долженъ остерегаться наговаривать на природу человѣческую: обязанность романиста представлять людей такими, каковы они есть; иначе, читатель въ правѣ не повѣрять событочности описываемыхъ явленій. . . . Къ этому прибавимъ, что *Софія* автора, какъ онъ ни оправдываетъ ея нравственное совершенство — всё-таки осматривается невозможностью, и, слѣдовательно, при неограниченномъ нашемъ уваженіи къ ея образцовымъ добродѣтелямъ, — скучною женщиною, въ которую, хоть-бы она была и въ самомъ дѣлѣ красавица перваго разряда — человекъ совкусомъ никогда не влюбится. Если такъ, то спросите любую женщину—захочетъ-ли она быть *Софіею*, или, иначе, самую *мудростію*? Въ справедливыя и несправедливыя замѣчанія критиковъ не помѣщаются, однако-жъ, *Семейству Холмскихъ*—быть примѣчательнымъ твореніемъ; оно сдѣлаюсь у насъ народнымъ, и, вѣроятно, будетъ имѣть еще нѣсколько изданій. Но, знаемъ ли, что именно привлекаетъ большинство къ этому роману?—Несчастный *Аглаевъ* и его бѣдное семейство, его крошкая, любящая, хоть и не столь совершенная какъ *Софія*, — *Катерина*. Въ характерѣ, въ судьбѣ

Аглаева сосредоточивается, даже помимо желанія самого автора, весь интересъ, вся пещинная драма романа, а Софія только расхоложиваетъ её. — Это переслащенное, опливанное въ зашпильливой формѣ мороженое, которое всегда должно уступити мѣсто стакану простой ключевой воды, хотя-бы микроскопъ и открылъ въ ней нѣкоторыя печиснопы. Что касается до замѣчанія криптиковъ, будто-бы авторъ Семейства Холмскихъ воспользовался для своего сочиненія англійскимъ романомъ, который во французскомъ переводѣ именуется *le Pour et le contre*, — мы не раздѣляемъ этого упрека, — или подобный упрекъ можно сдѣлать и автору слѣдующаго романа:

46. ЭВЕЛИНА ДЕ ВАЛЬЕРОЛЬ. Романъ въ чепырехъ томахъ. Сочиненіе Н. Кукольника. Второе, исправленное изданіе. 1841. Въ 8, 249, 264, 274 и 350 стран. (3 р., съ пересылк. 4 руб. сереб.)

Да, мы не рѣшимся замѣнить г. Кукольника, что въ его романѣ есть много сходства съ романами: графа Альфреда де Виньи — *Сенъ-Марсъ*, Джемса — *Кардиналъ Ришелье*, г-жи Рейбо — *Мазарини*, — и съ другими сочиненіями изъ той-же эпохи и съ тѣми-же дѣйствующими лицами, какъ и въ его «Эвелинѣ». Талантъ, равный таланту г. Кукольника, не долженъ быть обвиняемъ въ подражаніи — онъ, подражая, рисуетъ по-своему давно уже нарисованные портреты, — является новымъ художникомъ, пробующимъ свое искусство и дарованіе въ воссозданіи того, что уже создано другими; онъ придаетъ своимъ портретомъ новыя, неугаданныя прежними живописцами черты, и такимъ образомъ дополняетъ ликъ челоуѣка, котораго дѣянія, высокія отрицательно или положительно, живутъ въ помѣстѣ. Ришелье, Мазарини, Сенъ-Марсъ, Людовикъ XIII изображены уже и историками и романистами: г. Кукольникъ также романистъ — почему-жъ онъ не имѣетъ права увлечься тѣми-же лицами и написать романъ, по *внѣшности* содержанія нѣсколько сходный съ извѣстными уже вамъ романами. Но въ самомъ ли дѣлѣ г. Кукольникъ сочинилъ романъ? Не просто-ли сработалъ онъ какую-то мозанку, очень замысловатую, но всё-таки не болѣе какъ мозанку — мозанчную картину, въ которой мы не видимъ ни общаго плана, ни единства идеи, ни главнаго лица. Сочиненіе г. Кукольника рядъ заниматель-

ныхъ, порою, сильно-драматическихъ, по разрозненныхъ сценахъ;—многихъ изъ нихъ могло быть гораздо больше или меньше, могло даже совсѣмъ не быть. Лучшія сцены въ книгѣ — *Римскія* главы, но онѣ не вяжутся съ цѣлымъ, потому что цѣлаго и нѣтъ: самъ авторъ это чувствовалъ и проситъ не читать его римскихъ главъ. Официальная героиня романа, *Эвелина*, существуетъ только по имени; еѣ даже нельзя назвать безцвѣтнымъ характеромъ, потому-что у нея нѣтъ ни какого характера. Много остается неоконченнымъ, недосказаннымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ другихъ случаяхъ, насказано много лишняго. *Депорта* хотѣли выдать намъ за политическаго злодѣя, а изъ него вышелъ даже не плутъ, а плутишка, который кончилъ очень неудачно фальшивую игрою въ кости. *Гойко* и *Гаръ-Шонъ* мечтающіе быть оригиналами или своеобразными, типическими созданіями — но для настоящихъ оригиналовъ они слишкомъ пересолены, п.е., черезъ чуръ оригинальны. Въ грозномъ *Ришелье* мы не замѣтили ничего новаго; *Сенъ-Марсъ* является въ-продолженіе всего романа мимоходомъ и исчезаетъ въ родѣ пропавшаго безъ вѣсти; лучше всѣхъ у г. Кукольника — *Мазарини*. Конецъ романа наименованъ счастливымъ капа-спрофы романсцовъ блаженнаго стараго времени: при свадьбѣ вдругъ, съ благополучнымъ поржествомъ добродѣтельныхъ. За всѣмъ тѣмъ, самозванка Эвелина преннтересная вещь или книга, которую не оставишь — не дочитавъ до послѣдней страницы. Много умнаго, шенлаго; рассказъ живой, непринужденный, даже самобытный, или, проще, *свой*. Но почему Эвелина названа вторымъ изданіемъ? Мы не знаемъ перваго. Известно, что она плннулась почти цѣлый годъ по «Библиотекѣ для чтенія», какъ плнутся во Франціи фейлетонные романы, и отъ этого-то, можетъ быть, сочиненіе г. Кукольника изобилуетъ и достоинствами и еще болѣе недостатками фейлетонныхъ твореній.

47. СОЧИНЕНІЯ ОСНОВЪЯПЕНКИ. Жизнь и походы
Петра Степанова сына Сполбикова, помещика въ
трѣхъ намѣстничествахъ. Рукопись XVIII вѣка.
Три части. С. П.-б. 1841. Въ 8, 184, 195 и 200
стр. мелкой печати. (2 р. 50 к., съ перес. 3 р. сер.)

Г. Основьяпенко, въ-печеніе четырехъ или пяти
лѣтъ, успѣлъ пріобрѣсть нѣкоторую известность и

даже одно не изъ послѣднихъ мѣспѣ въ современной, или, правильнѣе, текущей литературы нашей, которое, однако-жъ, онъ рискуетъ потерять, если не измѣнитъ нѣсколько характера и направленія своихъ созданий. Вотъ въ чемъ дѣло. Г. Основьяненко началъ очень удачными повѣстями или разсказами изъ малороссійскаго просонароднаго быта; успѣхъ былъ увѣщанъ усердными похвалами криптиковъ. Но эти самыя похвалы не повредили-ли автору въ дальнѣйшихъ его произведеніяхъ. Послѣ прекрасной, истинно-прогашельной повѣсти своей — Маруся — авторъ написалъ другую повѣсть въ томъ-же родѣ, почти съ тѣмъ-же сюжетомъ; слѣдовательно, повторился — а повторенія вообще скучны; односпороннее, какъ-бы ни было хорошо, скоро лишается достоинства, еще скорѣе интереса. Съ прогашельнымъ, съ чувствительнымъ, у автора соединился элементъ комизма; это также было замѣчено криптикою — и онъ ударился въ юморъ, юморъ безконечный, безпрестанный, слишкомъ ужъ не разборчивый, не снѣснявшійся, порою, искалъ матеріаловъ своихъ въ темныхъ уголкахъ самыхъ грязныхъ, самыхъ низкихъ положеній жизни. Если отъ высокаго къ смѣшному одинъ только шагъ, — по выраженію Наполеона, — то отъ смѣшнаго къ пошлomu и плоскому — еще ближе. Авторъ сталъ брать своихъ героевъ изъ среды жалкаго быта, лучше сказать, живописнаго прозябанія нѣкоторыхъ малороссійскихъ помещиковъ прошедшаго столѣтія. Такой выборъ доставилъ автору нѣсколько сценъ дѣйствительно-смѣшныхъ, забавныхъ, истинно-комическихъ, исполненныхъ неподдѣльнаго юмора: но, въ то-же время, и вовлѣкъ автора въ преувеличенія, неправдоподобности. Въмѣсто того, чтобы вѣрною, но осторожною, кистью изображать предположенныя нравы описываемаго времени, ограничась данными, оставленными преданіемъ, — онъ, буквально, сталъ согинять, наговаривать и на своихъ героевъ и на свое время; хотѣлъ непрерывно смѣшить читателя, а отъ этого вдавался въ изысканность, въ насильственную изобрѣтательность комизма; по-необходимости, становился скучноватымъ, монотоннымъ, однообразнымъ: известно, что нѣтъ ничего несноснѣе, какъ неудачная попытка производить безпрестанный смѣхъ, если только можно безпрестанно смѣяться. Такимъ образомъ, явилось нѣсколько юмористическихъ произ-

веденій разсмашириваемаго авшора, въ помъ числѣ знаменитый *Панъ Халыевскій*. Первая часть этого романа была напечатана въ Ошечесивъ Запискахъ, попомъ опдѣльною книгою, гдѣ находишся и вишорая часть его. Признаѣмся, еспѣ мѣста, способныя засмашивъ расхошашься самаго несмъшливаго читашеля; по за ними часто слѣдуютъ страницы непъяснимо-скупныя, водлиныстыя; надобно-ли прибавляшъ, что цѣлое сочиненіе, опшого имено, растянуто и необыкновенно одиохорактерно въ частностиахъ и колоритѣ. Но вишь новое произведеніе г. Основьяненки — *Столбиковъ*. Это пошъ-же «Панъ Халыевскій», такой-же дурачѣкъ, такой-же невѣжа, который своею, невъносимою, навязанною ему авторомъ, глупостию и крайнею грубостию понашій, хочетъ смѣшшвъ васъ безпресшанно, разсказывал, съ упоминшелою подробностию и длинною ами, такъже какъ и Панъ Халыевскій, опъ своего лица, свою необыкновенно глупую жизнь и похождение. Тѣ-же положенія, тѣ-же характеры, тошъ даже порядокъ повѣстшвованія. Но нѣсколько мѣшшвъ, нѣсколько сценъ показываюшъ умъ, опышность, наблюдательность сочинштеля, его дарованіе живописашъ нравы и личности того круга и того времени, къ которому опношется романъ. Слогъ вообще живъ (хощя часто неправиленъ, необработанъ) и постоянно оригиналенъ пою оригинальностию, какою опличаются всѣ произведенія г. Основьяненки, писанныя языкомъ, пресшпанно образовавшимся изъ смѣшенія нарѣчій малоросшійскаго съ великоросшійскимъ. Чшо-же касается до основной идеи романа, новаго ничего не оказываешся. Злодѣй опекунъ глупаго дшпяшки, гнусныя дѣла одного и дурачешства другаго—вошъ на чѣмъ вертишся сочиненіе. Въ пользу авшора нельзя однако-жъ не замѣшшвъ, что нѣкоторыя черты частнаго быта русскшхъ дворянъ исхода XVIII вѣка, ихъ вешупленіе въ военную службу, наконецъ тогдашнше полковые нравы, тогдашнее офицерштво, означены ярко и опчешливо, хощя и не безъ преувеличеній, до которыхъ авшоръ спрашпный ошошникъ. Не смощря на всѣ вышеуказанные недосмашки и излишешства, должно признашъся, сочиненія г. Основьяненки, читашошся ошошно и многимъ могутъ нравшъся. Въ ненашпную осень, у камшпа, — въ длиннше зимнше вечера, подмъ благодѣшеля-самовара, шамъ гдѣ-нибудъ въ сарашовской глуши, сочиненія г. Основья-

пенки, просто, кладь. Пусть сугробы снѣга занесли ваше уединенное жилище, пусть бушуетъ непогода, воевъ въперъ, скрываютъ морозъ подъ ногами спороживаго челядинца дома: въ тепломъ кабинетѣ, запряжавшемъ въ глубокое дѣдовское кресло, съ романомъ г. Основьяпенки въ рукахъ, можете наслаждаться всею наслажденіемъ читателя. Въ смыслѣ сказки, сочиненія этого писателя имѣютъ свое неопредѣлимое достоинство; иногда же, мѣстами, въ нихъ есть и смыслъ высшій.—Все это было сказано нами по поводу выхода въ свѣтъ первой части Сполбикова. При выходѣ и по прочтеніи второй, мы замѣтили, что описываемая въ ней приключенія правдоподобнѣе, нежели въ первой. Герой романа не такъ ужъ глуповатъ — онъ поумнѣлъ немножко; время и опыты нѣсколько подѣйствовали и на его ограниченную личность. Впрочемъ Сполбиковъ и не такъ глупъ, какъ усиливается предсавить его авторъ, думая нѣмъ сдѣлать героя своего интереснѣе. Правда, Сполбиковъ не бойкаго десятка: но онъ умѣетъ отличать доброе отъ злаго, благородное отъ низкаго; онъ честенъ, гнушается пороками и презираетъ все, недостойное порядочнаго человека — спало-быть, онъ не глупъ. Въ концѣ второй части есть очень удачно выведенный на сцену характеръ гнуснаго скряги. Но вопль, наконецъ, прерыва и послѣдняя часть.... Чтò это? Сполбиковъ спалъ еще умнѣе, за что нравственность его какъ будто поспрадала: онъ меньше честенъ, нежели во второй части!! Погонише, однако-жъ — въ среднѣ послѣдней части Сполбиковъ оная становится рѣшительно глупъ!!! Откуда эти противорѣчія, эти неправдоподобности въ поступкахъ и характерѣ одного и того-же лица?... Вопль, наконецъ, Сполбиковъ нашъ, послѣ многихъ, неисчислимыхъ приключеній, въ качествѣ управителя чужихъ имѣній, получилъ свое богатое наследство, долго опшлягиваемое у него злодѣемъ-опекуномъ.... Вопль Сполбиковъ и женился: но не на той, на которой хотѣлъ, не на молодой дѣвушкѣ, которая ему нравилась, а на какой-то старой турини, проливной ему. Чудакъ, право, этакъ Сполбиковъ!

48. ОЛИВЕРЪ ТВИСТЪ. Романъ *Диккинса* (Воз). Переводъ съ Англійскаго *А. Гарковенко*. 1841. Въ 8, большого формата и сжатаго набора, 261 стр. (1 р. 50 к., съ пересылк. 2 р. сереб.)

Мы съ намѣреніемъ прервали на-время разборъ собственно русскихъ романовъ, чтобы не упоминать читателя однообразіемъ. После «Столбикова», мы ничего не могли придумать удачнѣе, какъ представить читателю «Оливера Твиста» — одно изъ лучшихъ произведеній необыкновенно-палашиливаго и умнаго романиста англійскаго. Оливеръ Твистъ, герой романа — дитя, отъ колыбели до юности, жертва, игралище всевозможныхъ бѣдствій и гоненій судьбы. Не смотря на то, что послѣдняя бросала его въ вертени самыхъ ужасныхъ пороковъ и потрясающихъ самую желѣзную душу пресупленій, Оливеръ вышелъ чистъ и невиненъ изъ этого горнила тяжкихъ испытаній, превышающихъ силу и разсудокъ ребѣнка. Разсмаприваемое сочиненіе Диккинса было уже напечатано въ Ошечесивенныхъ Запискахъ, и теперь издано отдѣльно въ томъ же переводѣ (очень хорошемъ, надобно прибавить), — слѣдовательно, давно уже знакомо читателямъ; но они вѣрно не забыли еще характеровъ: жидъ *Феджина*, злобнаго душегубца *Сайкса*, несчастной *Нанси*, смотрителя богоугоднаго заведенія, мистера *Бомбля*, и другихъ болѣе или менѣе примѣчательныхъ лицъ романа, которыхъ видишь какъ живыхъ; еще, вѣрно, не совсѣмъ остыли у читателя — глубокія, сильныя, перѣдко возмущавшія душу и сердце впечатлѣнія, испытанныя при чтеніи бѣднаго «Оливера». Первая половина романа исполнена живѣйшаго, пренепшнаго интереса; но чѣмъ ближе дѣло къ развязкѣ, тѣмъ какъ будто-бы интересъ ослабѣваетъ — и это потому, что, въ началѣ книги, мѣра страданій Оливера слишкомъ переполнена.

49. ЧУДНЫЯ ПОХОЖДЕНІЯ ПЕТРА ШЛЕМИЛЯ. Сочин. *Альберта Фомъ Шалиссо*. Съ четвертаго изданія перев. *Левъ Салойловъ*. 1841. Въ 12, X и 147 страницъ. (1 р. 75 к., съ перес. 2 р. сереб.)

Сказка дѣтская — не больше, но еѣ съ удовольствіемъ прочитаете въ одинъ присѣсть. Дѣло въ томъ, что Шлемиль продалъ тѣнь свою какому-то спранныму

человѣку, если это былъ не самъ чортъ. Говорятъ, что въ сказкѣ Шамиссо скрывается глубокая аллегорія; но мы, въ проспомъ своей, — признаёмся, что-то очень дурно понимаемъ аллегорію. Какъ-бы то ни было, а книга въ свое время имѣла необыкновенный успѣхъ, переведена на всѣ языки — и въ русскомъ переводѣ опшого не потеряла. Замѣчательны шесть lithографированныхъ каршинокъ, изображающихъ чудныя похождения чуднаго Шлемпля и художически исполненныхъ. Чипная сказку, безпреспанно обращаешь къ замысловатымъ каршинкамъ.

50. ТРИ ПОВѢСТИ г-жи Ребо. Переводъ съ французскаго *Александры Зражевской*. 1841. Въ 8, 207 стран. (1 р. 45 к., съ перес. 1 р. 70 к. сереб.)

Изрядно переведенныя повѣсти извѣстной писательницы. Одна изъ эпикъ повѣстей сепшиминиальная; другая немсовая; третья заключается въ томъ, что злую кокешку выдають замужъ за сумасшедшаго, — слѣдовательно, какъ она ни зла, а ужъ съ ума его не сведешь. Съ такими разнообразными извѣстиями какъ ни проведешь пріятно вечеръ. Масперница рассказываетъ эпю г-жа Рейбо (а не Ребо, какъ угодно называшъ еѣ г-жѣ Зражевской)!

Та-же прекрасная переводчица даритъ вамъ (51) *Очеркъ Новой Италіянской Литературы*, соч. г. Пранди; но г. Юнгмейсersh, который ничего не даритъ, утверждаетъ, что эпю маленькую книжку нельзя приобрьсть иначе, какъ заплативъ за нее 1 р., а съ пересылкою 1 р. 25 к. сереб., что, за 72 крошечныя страницы крупнаго шрифта, очень умѣренно!... Книгопродавецъ Поляковъ издалъ, переведенное съ англійскаго, сочиненіе Марріэпа — (52) *Пиратъ*; изъ двухъ томовъ сдѣлалъ два томика миньяшюрнаго формата и мелкой печати, — два томика, которые очень удобно можно уложить по карманамъ жилета. Вѣроятно, вы, чипатель, вскорѣ опправитесь на пароходѣ въ Кронштадтъ; если я угадаю, — возьмите съ собою *Пирата*: самое приличное мѣсто чипать его — на палубѣ. Тамъ качка не позволитъ вамъ замѣнить нѣкоторыхъ качекъ перевода — вы не увидите какъ очутитесь въ Кронштадтѣ, и за всѣ эпю удобства заплатите только 5 р. ассигнаціями.—Г. Поляковъ, должно-бышь, съ неперибнѣемъ

ожидалъ открытія навигаціи. Но для пихаго кабинетнаго членія позволѣте предложитъ вамъ первые восемь выпусковъ (55) *Шекспира*, въ русскомъ переводѣ г. Кемчера (каждый выпускъ 2 р. ассигнаціями), и первый выпускъ (54) *Согин. Рете* (1 р. сереб.). Переводчикамъ послѣднѣяго посовѣтуйте какъ можно осторожнѣе обходиться съ знаменитымъ оригиналомъ — опъ такой великій спилсникъ, что какъ-разъ не узнаемъ его въ переводѣ.

Памъ хотѣлось-бы поговорить не слегка о судьбѣ знаменитаго (55) Александра Даниловича *Меньшикова*, по поводу примѣчательной драмы г. *Неелова* (1 р. 45 к., съ перес. 1 р. 70 к. сереб.): но, увы, предѣлы нашей библіографіи не допускаютъ большихъ статей; и потому, покаместъ, скажемъ только, что стихи драмы очень хороши — стихи впрочемъ бѣлые, иначе называемые — рубленая проза. Куда какъ не любятъ её люди со вкусомъ и испициымъ пониманіемъ объ изящномъ. Стихи такъ стихи, проза такъ проза; предоставьте первые элегіямъ, одамъ, поэмамъ: но для драматическихъ сочиненій, гдѣ лучше всего *натура*, проза — лучший языкъ. Какой гекзаметръ, какіе бѣлые стихи, за исключеніемъ однако-жъ Пушкинскихъ, могутъ сравниться съ настоящимъ стихомъ, стройнымъ, сладостнымъ, нежающимъ слухъ вашъ музыкальнымъ созвучіемъ въ концѣ стиха или стиховъ, подобныхъ, напиримѣръ, слѣдующимъ:

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы жѣлтыя, покрытыя скирдами,
На синіе дѣса, на влажный злакъ луговъ;
Когда надъ озеромъ бѣлѣешь снопомъ паровъ,
И въ рѣдкомъ просиникѣ, медлительно качаясь,
Сномъ чупикимъ лебедь спишь, на влагѣ опражаясь,
Иду я подъ родной соломенный свой кровъ,
Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ;
И шамъ, съ улыбкой на устахъ своихъ привѣтныхъ,
Въ вѣнцѣ изъ яркихъ звѣздъ и маковъ темноцѣтныхъ,
И съ грудью бѣлою подъ черной кисеей,
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сіянемъ палевымъ главу мнѣ обливаєтъ
И очи тихою рукою закрываетъ,
И, кудри подобравъ, главою склонясь ко мнѣ,
Лобзася мнѣ уста и очи въ тишинѣ....

Что это! Уж не бессмертные-ли певцы древней Эллады, оставив свои пышечальниги могилы, заговорили вдруг на русском языке и сообщили ему классическія красота языка великихъ Грековъ? Ишь, певцы боговъ земныхъ навсегда смолкли, и опшзвки ихъ ибсеи не повпоряются даже въ устахъ опдаленныхъ ихъ потомковъ, вовыхъ Грековъ! Или недавній покойникъ, кошорый такъ пворчески сочувспивовалъ древнему искуспву—Пушкинъ—написалъ эпю прелестное спихопвореніе?—Но мы Пушкина знаемъ всего наизуспъ... у него ишь эпюго спихопворенія. Чѣ-жъ оно?... Какъ! Вы не знаете развѣ, что на пуманномъ небѣ Пешербурга загорѣлась свѣшлз звездочка, не достопыная классическаго неба древнихъ Аѳинъ—явился новый, юный, поэпъ русскій — *Аполлонъ... Майковъ?* Передъ нами лежишь цѣлая (56) книжка его прекрасныхъ опытовъ, одинъ изъ кошорыхъ вы сейчасъ прочпшали, и, вѣрояпно, прочпшаете всѣ XXXVI спихопвореній, состзвляющихъ изящно изданный въ 8-ю долю листа томъ... О XIX вѣкъ! я долженъ прибавишь здѣсь, что эпюпъ томъ спюпнъ 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р. серебромъ: иначе вамъ нельзя будетъ приобрѣспъ спихопвореній г. Майкова, кошорыми не преспипшело было-бы не пополнишь вашей библіотеки. И посмоприте — что еще напишетъ вамъ г. Майковъ, когда юная муза его, съ львами, къ классическимъ красотамъ своей поэпн присоединишь поэпю глубокаго чувства, опыта и позднѣйшихъ размышлений о судьбѣ человека. Теперь, покажетъ, онъ вдохновленъ, большею частію, красотами одной материальной природы. Но всему будетъ череда, и русская поэпн, спрощающаяся послѣ Пушкина и Лермонтова, должно многого ожидать отъ дарованія г. Майкова, или это будетъ одна изъ тѣхъ надеждъ, кошорыя такъ прискорбно обманываютъ насъ. . . . Если-бъ *прежде* спихопвореній г. Майкова попалась намъ подъ руку (57) *Спихопворенія г. Богарова* (1 р., съ пересылк. 1 р. 25 к. серебромъ: за 51 стрзп. весьма и весьма посредственныхъ спиховъ!!) и (58) *Повѣспъ Ангелина*, также въ спихахъ, г. *Молганова* (кошорой по-крайней-мѣрѣ не назначено ни какой цѣны), — мы, спашься можете, и сказап-бы о нихъ слова два-три, но какъ это случилось именно *послѣ*, то — *что, скажете, было дѣлать мнѣ?* — соблвенный спихъ г. Богарова на по-

*

слѣдней страницѣ его дорогихъ стихошвореній *). (59) *Сочиненія Акима Нахимова* (въ 8, 225 страницъ. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. сереб.), въ стихахъ и прозѣ, напечатанныя по смерти его, съ приевокупленіемъ краткаго жизнеописанія автора, любознательнѣе болѣе для исторіи русской литературы, нежели для современнаго чтенія. Послѣ стиховъ Пушкина, Жуковскаго, Лермонтова и другихъ новѣйшихъ поэтовъ нашихъ, послѣ прозы модныхъ нашихъ беллетристовъ,—сочиненія Нахимова, хотя и не дурныя сами по себѣ, не могутъ быть слишкомъ привлекательны. Правда и то, что нѣкоторыя изъ новыхъ романовъ, въ слѣдъ за симъ предлагаемыхъ, также не перваго разбора: по именно потому, что они новые, ихъ прочтутъ скорѣе, нежели умную, порою, старину Нахимова. Такъ, напримѣръ (60), *Автоматъ* (1 р. 50 к., съ перес. 2 р. сереб.), сочиненіе г. Калашникова, вѣроятно, нашло себѣ многихъ читателей, благосклонно принявшихъ прежніе романы того-же автора: *Дождь купца* Колобова и *Камчадалку*. Слышали мы, однако-жъ, что Автоматъ поощрять отъ нихъ, да куда-же и угощаться автомату за купеческою дочкою, и еще лучше за Камчадалкою, которая, по обычаю своихъ соотечественниковъ, прыпко тѣдитъ на собакахъ — а автоматы ни съ мѣсца безъ творческой силы. Пѣкло, г. Е. Г., со-

*) Можеть быть, читатель пожелаетъ знать причину — почему, вдругъ, мы нарушили общепринятый, и собственный свой, порядокъ рецензирования, и говоримъ о послѣднемъ-поименованныхъ книгахъ вскользь, не выставляя ни полного заглавія ихъ, ни числа страницъ и т. п. Это случилось по двумъ причинамъ. — Обзоръ наше назначено къ выпуску въ свѣтъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля или въ первыхъ мая; между тѣмъ, наступившіе праздники, прекративъ работы въ типографіяхъ, какъ и вездѣ, могли остановить печатаніе Обзоръ, и потому мы рѣшились, сколько возможно, сократить окончаніе его. А какъ одна причина всегда опровергаетъ другую, то и въ настоящемъ случаѣ нашлось оправданіе нашей поспѣшности и краткости: заглавія нѣкоторыхъ книгъ бывають длинныя, нежели самая рецензія, т. е., итъ нужды слишкомъ объ нихъ распространяться; исключаемъ изъ этой категоріи немногія изъ предыдущихъ и послѣдующихъ сочиненій, болѣе значительныя, о которыхъ въ слѣдующемъ обзорѣ объяснимся несколько удовлетворительнѣе.

чинилъ романъ, подъ заглавіемъ (61): *Человѣкъ съ вые-
шилъ взглядомъ или какъ выдти въ люди* (четыре
часши — 4 р. сереб.). Незрѣлость и незначительность
мыслей обличаютъ молодую, неопытную руку, и по-
тому не будемъ строги къ первому ея произведенію,
иѣмъ болѣе, что слогъ книги, хотя и не выдержи-
вающей крики, свидѣтельствуетъ о дарованіи авшо-
ра. Для того, чтобы впорой оцѣнить его былъ удачею,
надобно г. Е. Г. внимательнѣе заняться чтеніемъ луч-
шихъ новѣйшихъ романовъ, и понять—въ чѣмъ состо-
ятъ новѣйшія требованія искусства.—(62). *Два Приз-
рака*, романъ *Фанъ-Дима*, въ четырехъ часшихъ
(5 р., съ перес. 5 р. 70 к. сереб.), возбуждиль вниманіе
публики и разнорѣчивые толки журналистовъ: одни
превозносятъ дарованіе новаго авшора, другіе показы-
ваютъ ему въ эпосъ дарованіи, по-крайней-мѣрѣ огра-
ничиваютъ послѣднее. Желая избѣгнуть крайностей,
мы, въ отношеніи къ новому романису, будемъ
держаться середины, и скажемъ, что г. Фанъ-Димъ
многое обѣщаетъ. Перо новаго русско-голландскаго
авшора, какъ намъ кажется, образовалось подъ сильнымъ
вліяніемъ знаменитой Француженки, герцогини д'Абран-
тесъ, и знаменитаго русскаго разскащика новѣстей,
Марлинскаго. Покойники соблазнили новаго романиспа.
У герцогини онъ занялъ пріятную женскую болшовню,
у Марлинскаго принаряженную фразу, и мы думаемъ,
что если г. Фанъ-Димъ оставить соперничесиво съ
г-жею Жюно, у которой, кромѣ болшовни, были еще
кой-какія авшорскія достоинсшва, и переспаетъ съ
Марлинскимъ, у котораго также, кромѣ
фразы, было много ума, мысли (да и фраза-то его не
всѣмъ даѣтся), то новѣй романиспъ, можетъ быть,
въ состояніи будетъ дать русскоѣ публикѣ про-
изведеніе гораздо совершеннѣе. При опытноѣ
знаніи г. Фанъ-Димомъ женскаго поалета (и жен-
скаго сердца, надобно прибавить), нельзя отрицать
у него и обладанія вкусомъ; слѣдовательно, спонъ
только захотѣтъ г. Фанъ-Диму — и онъ напишетъ
новую книгу безъ болшовни и фразы, замѣнивъ по-
слѣдную художественною простопною и испиннымъ
изящесивомъ выраженія. У г. Фанъ-Дима замѣтно
много ума, начинанности и разнообразныхъ свѣдѣ-
ній—запасъ, съ конорымъ какъ не успѣть! Въ самой
интригѣ романа есть интересъ и, слѣдовательно, иску-

ство занимательнаго повѣствованія. Надѣемся, что г. Фанъ-Димъ, какъ честный Голландецъ, применитъ нашу условную похвалу лучше, нежели безусловныя воспорги вѣжливыхъ кавалеровъ-кришниковъ. Во всякомъ случаѣ, мы спарались ему понравиться, сколько онъ самъ намъ понравился, и увѣрены, что при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ милымъ авторомъ, п.-е. при новыхъ его опытахъ, даже влюбимся въ него—у г. Фанъ-Дима есть недосыпки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и много прелести въ разсказѣ, которую нельзя объяснить словами: она осталась у насъ въ сердцѣ, и, вѣроятно, мы долго не изымимъ этому обаятельному увлеченію—по крайнемѣрѣ, сохранимъ его до слѣдующаго нашего обозрѣнія, гдѣ намѣрены еще поболтать о *Двухъ Призракахъ*. Говорятъ, что *Фанъ-Димъ* — псевдонимъ, скрывающій одно изъ тѣхъ имёнъ, которыя не склоняются къ мужескому роду, и мы также думаемъ, что многія очаровательныя страницы въ романѣ Фанъ-Дима могли бытъ начерпаны только женскою ручкою.... а женская ручка — это такая для насъ святыня, что мы готовы обречь себя самому тяжкому вздыханію, если осмѣлились, можетъ бытъ,—и несправедливо, замѣнить кое-что ея произведенію, которымъ тѣмъ не менѣе, навсегда, украсили нашу библіотеку. О, мы никогда не расстанемся съ тѣмъ, что однажды насъ очаровало, хотя-бы это было не болѣе какъ призракъ.... Вотъ и всѣ новыя русскіе романы!... А (63) *Мирошевъ*, М. П. Загоскина, любимаго нашего романиста?.... Увы, Мирошева нѣтъ ни въ одной петербургской книжной лавкѣ: небольшое число экземпляровъ, присланныхъ изъ Москвы, расхвачено почтшателями палатна г. Загоскина, и мы опоздали приобрести себѣ экземпляръ послѣдняго его романа. До слѣдующаго обозрѣнія!—(Мирошевъ—въ четырехъ частяхъ, и продается, п.-е., будешь продаваться, когда явится вновь въ Петербургъ, по 5 р., съ пересылкою 5 р. 70 к. серебромъ).... Но утѣштесь! Вотъ при замѣчательныя и любопытныя книги: (64) *Парижъ въ 1858 и 1859 годахъ*, умныя и презанимательныя пушевыя записки и замѣтки *Владимира Строева* (двѣ части; 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. сереб.); (65) *Четыре мѣсяца въ Черногоріи*, г. *Ковалевскаго* (въ 8, 151 стр.; 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. сереб.),—еще болѣе любопытныя, но малоизвѣстныя эпою дикою страницами и оригинальнымъ правамъ и обычаямъ ея жителей;

въ книгѣ находящіяся карны и рисунки, изображающіе черногорцевъ (обоюго пола) въ ихъ одеждѣ и вооруженіи; и — (66) *Жизнь и описаніе путешествія казака Назилова*, (1 р., съ перес. 1 р. 25 к. сереб.) изъ восточной сибіри, съ границъ кишайской имперіи, пѣшкомъ пришедшаго въ С. Петербургъ, съ единственною безкорыстною цѣлю узрѣть Государя Императора и Его Августѣйшее Семейство..... Наконецъ, намъ осмѣемся наименовать: (67) *Театральной Альбомъ*, съ поршрешами аршишовъ (3 р. сереб., на пересылку прилагается за при фунша), и слѣдующія дѣтскія книги: (68) *Три комедіи для дѣтей*, сочин. Анны Зонтагъ, изданныя г. Юнгмейстеромъ (1 р. 25 к. сереб. съ перес.), — очень хорошо составленные для маленькихъ читательницъ пьесы; (69) *Дѣтское зеркало*, съ 55 картинками (1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. сереб.), содержащее въ себѣ, согласно заглавію, *правоучительныя* сказки, о томъ, напримеръ, какъ опасно играть съ перочиннымъ ножичкомъ, лазить по деревьямъ, глопать иголки и ш. п. — и наконецъ, — это уже конецъ концѣвъ, какъ говоритъ Баронъ Брамбеусъ, — (70) игрушку, называемую *Секретъ Маши* (2 серебромъ) или *средство выучиться музыкѣ безъ помощи учителя*. Мы еще не пробовали этого средства, и потому, покаместъ, не можемъ дать ему привиллегіи.

Вотъ всё, что произвела литература наша въ продолженіе полугода почти. Если мы, неумышленно, пропустили какую-нибудь книгу, заслуживающую разсмотрѣнія, просимъ покорно, до кого это относится, уведомить насъ о томъ, и въ слѣдующемъ выпускѣ Обзорѣнія ошибка будетъ исправлена. Разбираешь же прочее — дѣло журналовъ и газетъ, а не одновременной брошюры, каково обзорѣніе наше.

Всѣ разсмотрѣнныя здѣсь книги — желающіе могутъ приобрести въ книжномъ магазинѣ Ю. А. Юнгмейстера, въ С. Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, близъ По-

лицейскаго моста, въ домъ Копомина. Въ этомъ-же магазинѣ, исключительно, будетъ приниматься подписка на новый романъ:

— ЖИЗНЬ, КАКЪ ОНА ЕСТЬ —

Записки Неизвѣстнаго,

издаваемая Л. Брантомъ.

Время дѣйствія романа между 1814 и 1840 годомъ; мѣста дѣйствія — первоначально, уединенное убожище на рубежѣ Франціи съ Швейцаріей, потомъ въ Веймарѣ, Іенѣ и, наконецъ, въ Парижѣ. Историческія событія 1814 и 1815 годовъ косвенно дѣйствуютъ на ходъ нѣкоторыхъ происшествій жизни Неизвѣстнаго, — вообще-же она обращается въ предѣлахъ частнаго бытія. Ни правоописательность, ни особенныя черты мѣстности не составляютъ первыхъ условій романа, сосредоточеннаго болѣе на психологическихъ интересахъ, или, другими словами, созерцаніе внутренней жизни человѣка — водило перомъ неизвѣстнаго автора записокъ. Изъ историческихъ лицъ, мимоходомъ, являюся на сцену Гёте и герцогиня д'Абранпесь. Названіе книги — *Жизнь, какъ она есть* — не должно принимать въ значеніи слишкомъ обширномъ: это не болѣе какъ на намекъ на естественное, обыкновенное теченіе событій, хотя и не совсемъ обыкновенныхъ, — это автобіографія *одной* жизни, *одного* человѣка — не столько романъ, сколько дѣйствительныя записки извѣстнаго или неизвѣстнаго лица, приведенныя въ порядокъ стройнаго повѣствованія, матеріаломъ для котораго служилъ вѣданный въ свое время дневникъ. Объемъ «Записокъ» — три части, составляющія отъ 30 до 35 печатныхъ листовъ. Первая часть вышла уже изъ цензуры; по разрѣшеніи къ выпуску въ свѣтъ остальныхъ двухъ частей, рукопись поступить въ печать, и будетъ издана въ концѣ наступающаго или въ самомъ началѣ слѣдующаго 1843 года. Цена за всѣ три части романа *три рубля серебромъ*, съ пересылкою; но выходъ-же въ свѣтъ книги, на пересылку ея назначается особо 50 коп. серебромъ.

F

24.260